

КІ 1051390

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

Порохом
пропах-
нувшие
строки

•
**В МОЛОДЫЕ
ГОДЫ**
•

СЕРГЕЙ
Орлов

Порохом
пропах-
нувшие
строки

*Книга
стихов*

84P7

0-66

Вступительная статья *Ю. Воронова*

Составление *В. Орловой*

О $\frac{4702010200-083}{078(02) -86}$ 234-86

А БЫЛ ОН ЛИШЬ СОЛДАТ...

Я познакомился с Сергеем Орловым в Ленинграде в начале 1946 года, когда занимался в литературной студии при Доме писателя имени В. В. Маяковского. На одно из занятий руководитель студии Всеволод Рождественский пришел с Михаилом Дудиным и незнакомым нам человеком с обожженным лицом. Он был в полинялой офицерской гимнастерке с расстегнутым воротом и заметно волновался.

— Сегодня мы отменим намеченную программу, — сказал Рождественский. — Михаил Дудин представит нам поэта-фронтовика Сергея Орлова.

О биографии его Дудин рассказал немного: родился Сергей Орлов на Вологодчине, а воевал танкистом на Волховском фронте. И такая краткость слова о боевой судьбе товарища по оружию была в духе того времени: об этом в первые послевоенные годы не принято было распространяться. Более подробно Дудин рассказал о готовящейся к выпуску первой книге поэта «Третья скорость». Дудин был ее редактором. А потом выступил Сергей Орлов. Он сразу же перешел к своим стихам. Читал негромко, порой запинаясь, отчего еще больше смущался. Но стихи покоряли: перед нами все отчетливей проступали суровые будни войны, нечеловеческие трудности, которые пришлось пережить Орлову и его товарищам на пути к Победе. И рассказывал он об этом по-солдатски сдержанно, но необыкновенно свежо, поэтически смело и по-своему:

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы все перенесем с тобой:
Мы люди, а она — стальная.

Через афористичные скупые строки пробивался свет его души, души человека, много испытавшего, но влюбленного в жизнь, верящего в ее доброту, в силу наших идеалов.

Теперь, вспоминая Сергея Орлова, я ловлю себя на мысли, что, когда дело касалось его самого, он как бы сторонился забот о нем. И на протяжении всей своей жизни оставался таким же, как тогда, в 1946 году, — мягким, застенчивым и постоянно преодо-

левающим свое смущение человеком. Напористость, горячая убежденность в речах и активность в действиях появлялись у Сергея Орлова, пожалуй, лишь тогда, когда он отстаивал какую-то общественно значимую идею или ратовал за других литераторов, за других поэтов.

Орлов ни в жизни, ни в поэзии не терпел позы, крикливости, самолюбования. Как всякий истинный поэт, он вел в стихах разговор от своего имени. И ему было что сказать. Но едва он касался темы военного мужества, как его личное «я» тут же вытеснялось понятием «мы». В 1945 году он написал одно из лучших стихотворений:

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести.

Эти стихи написаны о себе. Но Орлов перестал бы быть самим собой, если бы заговорил в них от первого лица, хотя и имел на это полное право. Это противоречило бы его нравственной и художественной позиции, тем законам фронтового братства, которые он свято берег и ценил превыше всего.

И если попристальней присмотреться к личности С. Орлова, то нетрудно увидеть: основой его скромности была высокая человеческая и гражданская зрелость. Он крайне требовательно и строго судил себя, но был нежен и внимателен к другим. И все, кто его хорошо знал, скажут: он никогда не зазнавался и никому не завидовал.

Будучи одним из признанных правофланговых поколения фронтовых поэтов, С. Орлов не признавал даже намеков на свое особое место в их строю, а тем более на какое-то лидерство. Хорошо помню 1947 год, когда он вернулся из Москвы с только что закончившегося Первого совещания молодых писателей. Он с восхищением рассказывал о своих новых друзьях, наизусть читал стихи М. Луконина, С. Гудзенко, М. Максимова и других участников

совещания. И при этом ни слова о себе, хотя для рассказов о собственном успехе в Москве у него было достаточно оснований.

Мне кажется, у Сергея Орлова было какое-то врожденное чувство товарищества, которое никогда не позволяло ему выделяться, возвышаться над другими. За его внешней сдержанностью скрывалось горячее, отзывчивое сердце и постоянная заинтересованность в судьбе своих друзей и просто знакомых, радость и гордость за их успехи. И прав его друг и земляк Б. Пидемский, который сказал: «Какая черта в нем преобладала? Интеллигентность!»

Свою жизнь, свои поступки С. Орлов всегда оценивал по самому высокому счету — критериями, говоря его же словами, «принятыми за эталон в то грозное и беспощадное время». Принадлежа к поколению, спасшему землю от фашистского варварства, он был в подлинном смысле слова певцом и рыцарем этого поколения. В одном из не печатавшихся при жизни его стихотворений есть такие строки:

Ох, как трудно стать поколением!
Если мы бы не стали им,
Все закончилось поражением
И падением мировым.

И в то же время он постоянно напоминал и себе, и своим современникам о необходимости полной самоотдачи, об ответственности за все, что происходит в мире, о неоплатном долге живых перед памятью павших:

Не шутки шутим —
На земле живем.
Ее железом били,
Кровью мыли.
И неужели мы с нее уйдем,
Как травы, без следа,
И станем пылью?

Неудивительно, что в своих стихах, являющихся постоянным раздумьем над чудом жизни, он настойчиво зовет — и себя и других — к неудовлетворенности достигнутым, к совершенствованию. Вот отрывок из его не опубликованного при жизни стихотворения, написанного в 1950 году:

Я словно опустевшая квартира,
Откуда за полночь ушли друзья.
В ней происходит перестройка мира.
Которую откладывать нельзя.

Передвигаю вещи и предметы,
Сор выметаю. Убираю дом.
Переключаю свет. Поменьше света.
И больше трезвой ясности притом.

Эти призывы: «поменьше света», «больше трезвой ясности» — характерны для Сергея Орлова. Он всегда стремился к углубленному познанию действительности, к расширению знаний, к совершенствованию своей поэтической работы. Высокая требовательность, пожалуй, даже излишняя щепетильность, — надо сказать, не столь уж частый пример в наше время — были его неотъемлемыми качествами, когда речь шла о собственном творчестве. Может быть, поэтому после смерти Орлова в его архиве оказалось ненапечатанным множество стихотворений: более двухсот! Почему он их не опубликовал, останется загадкой: видимо, какие-то из них он считал несовершенными, недоделанными, какие-то еще «выдерживал». Но то, что многие из них, в том числе и приведенные выше «стихи о поколении», теперь по праву заняли достойное место в его творчестве, бесспорно.

С. Орлов отличался, я бы сказал, трепетным отношением к поэзии, к слову. Он не терпел гладкописи, шаблона, безликости. Будучи чутким знатоком классической и современной русской поэзии, настойчиво звал литераторов к мастерству, к борьбе с серостью, посредственностью, вторичностью. «Самое интересное в поэзии — это различия. То, чем один поэт отличается от другого», — повторял он. «Только своя строка, своя песня, несхожая с другими, имеет право на жизнь в такой могучей поэзии, какой является наша русская поэзия». У Орлова эти слова не расходились с его практикой. И он искренне переживал, когда уважаемые им поэты порой изменяли себе, негодовал, когда под видом стихов печатались, а порой и поддерживались графоманские вирши: «Нельзя подарить то, что никому не нужно».

В то же время С. Орлов радовался подлинным достижениям современной поэзии, стремился сказать доброе слово о поэтах,

которых не всегда жаловала критика, был внимательным наставником молодых. Отдавая должное поэме, он хорошо видел и постоянно отстаивал общественную значимость и силу воздействия малых стихотворных форм. «Короткие стихотворения, — писал он, — нельзя, конечно, сравнить с романами, но иногда они живут в памяти рядом с ними, поражая своей емкостью».

Размышляя над сказанным, невольно вспоминаешь лучшие стихи самого Сергея Орлова, и прежде всего его стихотворение 1944 года, посвященное памяти советского солдата.

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей..

Это поистине великое стихотворение, стоящее в ряду шедевров русской поэзии. Несмотря на десятилетия, на «хрестоматийный глянec», оно ни в чем не утратило своей пронзительной силы, масштабности, какой-то космической емкости образов. Тут все — и скорбно-торжественный реквием подвигу советского солдата, спасшего планету от гибели, и неиссякаемая вера в то, что мир бессмертен: «Ему как мавзолеей земля — на миллион (!) веков».

Кстати, было бы неверно обособливать это стихотворение от других произведений С. Орлова. Поэт пришел к нему опытом и всей своей жизни, и своего творческого развития. Разве не ступенькой к нему была, например, «Карбусель»:

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Поиск зримой и точной детали, детали-мысли был всегда неотъемлемой чертой его творчества. Об историзме, широте и объемности образного мира Орлова, его поэтического мышления убедительно свидетельствует, в частности, стихотворение «Смотровая щель» (1944 г.).

А щель узка, края черны,
Легят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

О последовательном развитии поэтической зоркости Орлова уже говорят его довоенные стихи, когда поэту было 15—18 лет. Они широко включены в эту книгу. Прочтите их внимательно — и вы увидите, как настойчиво ищет начинающий стихотворец свои слова, свои метафоры и сравнения:

На березах первые листочки
Высунули клейкие носы.

.....

Темным елям на большие плечи
Сели звезды, будто соловьи.

А вот образ, который вы не встретите ни у кого другого:

Кувшинки, как следы зверей
Никем не виданной породы...

По-своему описывает шестнадцатилетний С. Орлов и появление на летнем небосклоне лунного месяца:

Хлеб жала девка, тяжело пояснице,
Окутал землю вечер полутьмой.
Серп на звезду ближайшую, как спицу,
Повесила и спать ушла домой.

Чтобы так написать, уже надо уметь видеть и чувствовать. И не случайно еще в 1938 году стихотворению ученика Белозер-

ской средней школы Сергея Орлова была присуждена премия на Всесоюзном конкурсе школьников, а само стихотворение полностью привел в статью, напечатанной в «Правде», К. Чуковский. Стихи назывались «Тыква».

В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень.
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.

Лежит рядочком с брюквой,
И кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.

Как свежо, весело и точно сказано!

На войну Сергей Орлов пришел уже поэтом. Но трагедия Родины, военные дороги, ратная жизнь, когда лейтенант Орлов был дважды ранен, горел в танке и чудом остался жив, придали его творчеству новое качество, вооружили поэта пониманием великих событий, в которых он участвовал, определили гражданскую направленность его таланта. Теперь через его сердце прошла сама судьба народа, вечной ношей легла на его плечи ответственность за ее день, настоящий и грядущий. Только писать стало труднее...

В одной из своих статей С. Орлов сказал: «Луконин, Гудзенко, Недогонов, Дудин, Наровчатов, Друнина, Межиров и их товарищи принесли в литературу новые слова с той же человеческой необходимостью и обновляющей силой, которая обдает нас, когда мы читаем стихи зачинателей советской поэзии о революции и гражданской войне». Сказанное полностью относится к самому Сергею Орлову. Его стихи обжигают людские сердца правдой пережитого, поражают точностью и объемностью обобщений. А вся его жизнь служит уроком мужества, уроком самоотверженного и бескорыстного служения Родине и отечественной литературе.

Юрий Воронов

* * *

Говорят, что мы — поколение
И что этим мы и славны,
Поколение — повелением
Высочайшим самой войны.
Ох, как трудно стать поколением
Если мы бы не стали им,
Все закончилось поражением
И падением мировым.
Что ж, выходит, что поколением
Называют нас не зазря,
Поколение не год рождения,
Поколение — год Октября.
Поколение — фронты гражданские.
Поколение — гребни плотин,
А не просто по свету странствие
От крестин и до именин.
И живем мы, ничем не хвастая,
В этом нашей заслуги нет,
Только есть ощущение ясное
Не напрасно прожитых лет.

1952

ДАЛИ ГОЛУБЫЕ

ВЕЧЕР

Опустился теплый вечер,
Словно голубь с высоты,
На мои большие плечи,
На деревню, на кусты...

Сизо-дымчатый, туманный,
Вечер крыльями накрыл
Лес, реку, людей, поляны...
Ничего не позабыл.

Посмотрел, улечься где бы,
Синий соня, — и уснул,
Все закрыв дневное небо...
Я сурово вверх взглянул.

А вверху дрожат в бессилье
Чище самых чистых рос
На его широких крыльях
Голубые капли звезд!

1937 г.

ЗВЕЗДА

Я пить хотел. Родник под старым кленом.
Я зачерпнул воды и вдруг тогда
Увидел, как дрожит в моих ладонях
Вечерняя прекрасная звезда.

Как хорошо держать ее, как счастье,
Которое случайно ты поймал,
К губам нести...
Но вдруг толчок, несчастье...

И я звезду бесследно расплескал.
Вот так и ты пропала без следа,
Краса моя, вечерняя звезда.

1937 г.

СИНЬ

Был дождь.
Он только что прошел.
Синела мостовая.
На сердце было хорошо,
А отчего —
Не знаю.

На крышах
Каменных домов
Поблескивало небо.
К ручьям
С флотилией судов
Шла детвора
Набегом.

Куда глаза свои ни кинь,
Панели голубели.
Ах, отчего
Такая синь,
 июль,
 цветы,
 капели!

1937 г.

* * *

Хорошо на забытой дороге,
Ночь тепла, как девичья щека.
Ни печали с тобой, ни тревоги,
Отчего-то лишь грустно слегка.

Свежескошенным сеном потянет,
Кони ржут за рекой в стороне...
Ты услышишь, как жимолость вянет
И кузнечик трубит в тишине..

Молчаливо плакучая ива
Дремлет, ветви в воде замочив,
Хорошо ей, простой да счастливой,
Сторожить голубые ручьи.

В голубые туманы одета,
Спит земля... На востоке горит
Золотая полоска рассвета —
Бледный отблеск далекой зари.

1938 г.

* * *

Планета на время от солнца отходит
В пространство, где холод и тьма...
Приходит суровое время года —
В снегах и метелях зима.

Ночами сильней ударяют морозы,
Река покрывается льдом.
Крупней и смелей загораются звезды
Над синим полярным ковшем.

И, будто черемуха где отцветает, —
Снежинки летят на ветру.
Заря пламенеет. И солнце, вставая,
Не греет уже поутру.

И, мягко упав на леса и поляны,
Пушистые, как облака,
Скрипучим морозом и липким туманом
Широкие дышат снега.

И, лишь накренившись слегка на рассвете,
Проедет осадистый воз,
И сено повеет гречихой и мятой,
Как будто сейчас сенокос.

1937 г.

* * *

Небо выше,
Горы ниже,
Встану в ясный
День на лыжи.

Крикну ветру:
— Парень, здравствуй!
Догоняй меня
По насту!.. —
Крикну:
— Дай, товарищ,
Жизни! —
Лягут в снег,
Как ленты,
Лыжи,
Ленты голубого
Шелка,
И меня —
Видали только!..
Через поле,
Через горы
С ветром
Легким
Я поспорю.
Пусть он вслед
За мною мчится —
У меня ж не лыжи —
Птицы!
Остроклювы,
Неустанны,
В оперенье
Деревянном...

1937 г.

В ОГОРОДЕ

Топорщит перья сизый лук
На грядке в огороде,
Стою с ведром, смотрю вокруг,

Как зелень дружно всходит.
Вдали поднявшись, словно флаг
Над боевым парадом,
Пылает ярко-красный мак
С горошком светлым рядом.
Горошек закрутил усы,
Он выглядит гусаром,
Напившись допьяна росы,
Стоит вояка старый.
Все тянет к солнцу стебелек,
Цепляется за прутик.
Капуста смотрит и в клубок
Листочки в смехе крутит.
Но смех заметен не для всех,
Беззвучен он, как вечер,
Она рассыплет хрусткий смех
Лишь осенью под сечкой.

1938 г.

* * *

Всплошную голубым узором
Мороз разрисовал окно.
Темно становится, и скоро
Зажгут огни. Пора б давно...

Сверчок скрипит в углу за печкой
А я глаза закрою вдруг,
И мне покажется — кузнечик
Трубит на весь цветистый луг.

Качнутся легкие березы,
Как луг, запахнет старый дом.

Но это мать вошла с мороза,
Внесла подойник с молоком...

1939 г.

* * *

Умер снег... Земля черна и гола.
Но прошел, качаясь, первый дождь,
На правах законных новосела
Вымыл лес и будущую рожь.

Как искринки падали дождевики,
Лопались, прозрачны и чисты,
И травинки на сухом суглинке
Поднимали светлые хвосты.

Как птенцы проклевывались почки,
От дождя вспотев, как от росы,
На березах первые листочки
Высунули клейкие носы.

А когда парной нагрелся вечер,
Радости земной не утаив, —
Темным елям на большие плечи
Сели звезды, словно соловьи.

1939 г.

ТЫКВА

В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень,
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.

Лежит рядочком с брюквой,
И кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.

1939 г.

МЕЧТА *

В поле к солнцу тянутся побеги,
Машинисты водят пезда...
Я родился, и в вечернем небе
В этот час зажглась моя звезда.
Есть преданье: по звезде высокой
Можно угадать свою судьбу,
Прочитать о близких и далеких
Радостях в подзорную трубу.
Я хочу, чтоб звезды предсказали
Странствия по множеству путей...
Пересадки, встречи на вокзалах,
Сотни две, а может, три друзей.
Трудные пути, лесные тропки,
Реки голубые, звездный шлях,
Городища древнего раскопки

* «Белозерский колхозник», № 240 (2173), 16 октября 1939 г.

На Кавказе, где-нибудь в горах...
Песенку, с которой бы полмира
Можно обойти наедине
От предгорий грозного Памира
И разбить палатку на Двине.
Чтоб на этом месте очень скоро
Из бетона, стали и стекла
Вырос замечательнейший город,
Чтоб Двина иначе потекла.
Вечные растаяли мерзлоты,
Яблони повсюду зацвели.
Девушки, вернувшиеся с работы,
В волосы левкой заплели...

1939 г.

НОЧЬ

Давным-давно огни погасли в хатах,
А коростель скрипит, во ржи скрипит,
Над полем месяц, тонкий и горбатый,
Как будто серп, на гвоздике висит.
Хлеб жала девка, тяжело пояснице,
Окутал землю вечер полутьмой,
Серп на звезду ближайшую, как спицу,
Повесила и спать ушла домой.

1940 г.

КОПЬЕ

В окаменевшем дубе археолог
Копье нашел в суглинке глубоко,
Был камень отшлифованный, тяжелый
Насажен на крылатое древко.

Должно быть, это было состязанье
И предки днем на берегу ручья
Перед охотой детям в назидание
Метали копья со всего плеча.

Он, может, первым, может, напоследок
Копье метал. Силен был человек,
Из каменного века этот предок,
Копье закинул в наш двадцатый век...

1940 г.

* * *

По привычке дома не сидится,
Тянет в поле, лишь весна придет.
Вся земля за городом дымится,
В реках всех трещит и тает лед.

Я пойду подсматривать и слушать
Всех ветров рожденье, всех цветов,
Всех дождей и кваканье лягушек
Среди зацветающих прудов.

По горам пройду и по долинам,
На телеге с неба съедет гром,
И вожак из стаи журавлиной
Мне подарит для стихов перо.

1940 г.

*УТРО **

Роща дождь лучистый отряхает
Там, где блещет синяя река,
Вдалеке большая туча тает,
Крылья расправляют облака.

Самолет летит нездешней птицей,
Будто весь из блеска, золотой,
Цвета спелой солнечной пшеницы,
Что шумит под ветром за рекой.

На плотках смолистых и широких
Много дней плывут плотовщики.
В изумрудных зарослях осоки
Щуки расправляют плавники.

Спит рыбац, запутав кудри в травы,
В голубой рубахе продувной...
У него улов в корзине славный
Блещет драгоценной чешуей.

Поезда летят, перекликаясь,
По мостам чугунным и стальным,
Я стою, я счастлив, озирая
Утро дорогой моей страны.

1940 г.

* «Белозерский колхозник», № 133 (2370), 18 июня 1940 г.

ВОДОЛАЗ

В голубоватой мгле реки,
Как дождь серебряный, мальки
И длинных водорослей лес
Качается у самых глаз,
Реки сверкающий разрез
Увидел водолаз.

По дну, как будто водяной,
Идет он на задание

И раздвигает лес рукой
С особенным вниманием.

Над медной головой река
В голубоватых бугорках,
Идет он, наклонясь слегка,
В пудовых башмаках.

На это желтое плато
Ни разу не ступал никто,

Как на иной планете,
Идет он лесом этим.

Покой, ничем не нарушим,

Здесь пребывал от века,

В коронах золотых ерши

Глядят на человека,

Из-под коряги смотрит сом,

Свернувшись серым колесом,

И золотыми плахами,

Лещи сверкают бляхами.

1940 г.

НА РЕКЕ

Высокий берег прям и крут,
Ивняк сползает вниз по склону...

С утра малиновки поют

Над миром синим и зеленым.

Кувшинки, как следы зверей
Никем не виданной породы,
Они, должно быть, на заре
Прошествовали здесь по водам.

Тресты упругие ножи...
От радости, не зная страха,
Как очумелые стрижи,
Бросятся в реку с размаха...

А там в прозрачной глубине
Сиги проходят голубые,
Ерши с короной на спине,
Лещи как плахи золотые...

И, все венчая, над рекой,
Как памятник, как некий бонза,
Рыбак уселся молодой,
По пояс отлитый из бронзы.

Ему подвластно все вокруг,
Он глубь реки лесой измерил,
Проверил тишину на звук,
И он в удачу свою верит.

1940 г.

* * *

Я сегодня вышел в ночь, влюбленный
В мир до самых отраженных звезд.
Не дергач скрипел во ржи зеленой,
То земная скрежетала ось.

Шар крутился, накреняясь грозно,
Так, что сосны дикие в лесу

С неба заполюночные звезды
Сучьями сшибали, как росу.

Как ерши в воде густой, зеленой,
Стаями сверкая чешуей,
Шишек рыжеватых миллионы
В хвое пронеслись предо мной.

Чтобы ход иных планет подслушать,
Плеск морей и тайный трепет нив,
Волныши, как розовые уши,
Подняла земля, насторожив.

И казалось мне, что стал я тоже
Деревом косматым среди дорог
И по мне необъяснимой дрожью
Прянул жизни бессловесной ток!..

1940 г.

ДЕСЯТИКЛАССНИКУ *

Остаток дней неслышно пролетит,
И мы войдем с тобой в калитку эту;
За нею жизнь широкие пути
Откроет вдруг, охватит, словно ветер...

Ты будешь помнить тополь над прудом
И школьный двор, широкий и просторный.
Ведь школа все-таки была как дом,
В котором детство... Выросли в котором!

Да, здесь ты рос у мира на виду,
Мечтал о путешествиях далеких,

* «Белозерский колхозник», № 127 (2350), 5 мая 1940 г.

С грамматикой извечно не в ладу,
Читал Майн-Рида на уроках.

Ты здесь пришел однажды на урок,
Одеколоном весь благоухая,
Сбрив на губе мальчишеский пушок,
И на девчат взглянул, слегка смущаясь.

И вот тебе откроют без границ
Широкий мир. И с юностью простись ты,
Взгляни на солнце, не смежив ресниц,
И становись геологом, танкистом...

В лесном краю у дымного костра
Или в горах пускай, не все равно ли!
Ты скажешь другу: «Вот была пора!
Пожалуй, снова поучиться б в школе!

1940 г.

ПОРОХОМ ПРОПАХНУВШИЕ СТРОКИ

* * *

Здесь земля дрожала не от страха,
Просто было горестно земле,
Осыпались звезды, как на плаху,
На нее в ночной багровой мгле.
И ложились звезды на сосновых
Надмогильных столбиках тогда,
Но вставали батальоны снова,
На ушанках красная звезда...
Звездная моя земля Россия,
Огненным политая дождем,
Ты их на руках своих носила,
Ты их посылала напролом.
Сыновей своих любимых, кровных,
Может быть, единственных, туда,
Где на дзотах в шесть накатов бревна,
Проволока густо, в три ряда...

1945 г.

*ОКТАБРЬ 1941 ГОДА **

Когда-нибудь я расскажу об этом,
О времени жестоком, о войне.
Пусть я миную смертные тенета,
Да доведется это сделать мне!

Но если будет Родине угодно,
Пусть лягу я, исхлестанный свинцом,
Лицом вперед,
На грудь земли холодной,
Колени не согнув перед врагом.

...Пройдут года, придут другие люди,
Легка им будет молодая жизнь,
Но будет проклят тот, кто позабудет,
Что нашей кровью
Был залит фашизм!

А я желаю для себя немного:
Лишь мужества, чтобы идти вперед,
И чтоб дошел по всем путям-дорогам
К далеким дням вот этот мой блокнот...

1941 г.

ДОЖДЬ

Осень. Листья на панели,
Город в тучах над Невой...
Проникает сквозь шинели
Дождь осенний затяжной.

* Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное. Лениздат, 1980, с. 270.

Только пусть под ветра свисты
Льет холодный он и злой,
Каково сейчас фашистам,
А для нас он свой, родной!..

1941 г. Сентябрь

ГРАНАТА

В скорлупе с чугунной спинкой,
Не простое яйцо,
Брызнет огненной начинкой,
Только дерни за кольцо.

Если в бой пойдут ребята
И пойду я с ними в бой,
Ты очистишь мне, граната,
Путь в бою перед собой.

А окружит враг проклятый —
Не прорваться из кольца,
Ты спасешь меня, граната,
От позорного конца.

1941 г.

* * *

Может, мне и осталось всего:
Путь — дорога к немецким окопам,
Танк разбитый, разрывы кругом,
Крови след на поблекшей осоке.

Он ведет, убегая, в лесок,
А в конце, там, где холм муравьиный,

Мне придется улечься в песок,
Под деревьями руки раскинув.

И в опавшей листве золотой
Надо мною в тяжелом безлюдьи
Прорастет березняк молодой
Через ребра распавшейся груди.

20.9.41 г.

ОСЕНЬ

Широким журавлиным клином
Последний выбит летний день,
Погреться у костров рябины
Сошлись избушки деревень.

Тоска, дожди, туман и слякоть,
Глубокой осени пора...
Как будто мир сошлись оплакать
Кричащие в полях ветра.

Над красноватым эшелонном
Дымки — прощальные платки...
Мелькают в глубине вагонов
Шинели серые, штыки...

Под ветром шелестит березник,
Ему последний лист ронять...
И женщина у переезда —
Солдатская, должно быть, мать —

На поезд смотрит без движенья,
Подняв ко рту конец платка.
В глазах ее — благословенье
И древняя, как мир, тоска...

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать-Россия,
Глядишь вослед своим сынам?

1942 г.

* * *

Зачем руда сто тысяч лет,
В земле томясь, лежала, зрела
И рудокоп ее на свет
Извлек своей рукой умелой.

В вагранках плавил руду,
Усталый токарь слиток стали
Точил, и в роковом году
Снаряд на дальний фронт послали.

Был страшен взрыв, и не вздохнуть,
Осколком грудь моя пробита,
Зачем руда далекий путь
Прошла, чтоб мне лежать убитым?..

1942 г.

* * *

Хочу, чтобы меня вело
По всем высотам вдохновенья
Мое прямое ремесло —
Танкиста и бойца уменье.

Как пулеметная строка,
Ложитесь на бумагу, строки,

Лети, мой стих, издалека,
Все пережив на свете сроки.

Не ради слов, не славы для
Явись к потомкам и поведай
О нас, пусть вспомнит нас земля
В час искупленья, в час победы...

1942 г.

* * *

Издали рывкают гулкие пушки,
Люди не спят в этом раннем часу,
Танки стоят на зеленой опушке,
Словно слоны в африканском лесу.
Так вот и кажется, морду поднявши,
Вдруг затрубят от нездешней тоски...
К травам, к земле и к деревьям прижавшись,
В темных лесах притаились стрелки.
Душу томит ожиданье, томленье,
Черт его знает, как время ползет,
Скоро ли этот сигнал — наступленье,
Чтоб без раздумья, как в омут, вперед!

1942 г.

* * *

Далеко течет река Шексна,
Волги нареченная сестра,
Я ее увижу только в снах,
Редких и коротких, у костра.

Высоко зеленая звезда,
Свет ее сияет над Шексной,

Легкая, певучая вода
Очень схожа цветом со звездой.

Белые березки на лугу,
Русские, знакомые до слез,
Так же вот на дальнем берегу
Шелестит листва родных берез...

Сядь же рядом, друг, поговорим,
Что-то смолк в лесах орудий гром,
Полчаса осталось до зари,
Тишина, знать, не перед добром...

Видишь, над Ведлозером пожар,
Знать, отходят наши, тяжело,
Яростен врага слепой удар,
Много здесь товарищей легло...

Ты откуда сам, с какой реки?
Трудно... На войне как на войне,
Если что, поклон последний мой
Передай моей реке Шексне.

1942 г.

ПЕСНЯ О ЛОШАДИ

Жарким осколком снаряда
Шею пробил у ней,
Смотрит тоскующим взглядом
С крупной слезой на людей.

Алая кровь, как брусника,
Тянется вслед через мох...
Молча, без стопа и крика
Еле не валится с ног.

Вот и окончена служба
И лошадиная жизнь...
Стоило ль в зимнюю стужу
Хвою промерзлую грызть?

В снах на коротких привалах
В редкие видеть часы
Трав голубые завалы
И золотые овсы...

Смотрит с тоской человечьей,
Взрывы грохочут кругом,
Свист смертоносной картечи
Ей уж теперь нипочем.

Вечером выйдет детина,
Вскинет к плечу автомат,
Будет на ужин конина
Для уцелевших солдат.

1942 г.

*ФЕВРАЛЬ 1942 ГОДА **

Вот занялся над Родиной рассвет,
И к нам идет железная победа,
И наши внуки через много лет
Прославят в песнях подвиг дедов.

Споют девчата в голубых ночах,
И встанут в песнях нерушимым строем,
В железных шлемах, в русских сапогах,
Простые парни, гордые герои.

* Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное. Лениздат, 1980, с. 270.

Они в ночах морозных, огневых
Легли в бою за город величавый,
По их следам от красных стен Москвы
Идут войска вперед дорогой славы.

Зовет руками белыми берез
Своих сынов земля моя родная...
И враг бежит, фашистский вшивый пес,
Поганой черной кровью истекая.

1942 г.

КАРТЫ

Трудный день окончен в школе,
Вечер темный за окном...
Погадай, родная, что ли,
Карты разложи кружком.

Карты врут, а сердцу легче,
Сядь поближе у огня,
Погадай за день истекший
На бубнового меня.

Только карта все плохая,
Вижу, дрогнула рука:
Справа падает лихая
Дама черная — тоска...

Слева дальняя дорога
Да казенный интерес...
Снова на сердце тревога,
Туз виной, шестерка крест...

Но, быть может, в этот вечер
Средь других, едва видна,

Предвещающая встречу
Карта ляжет хоть одна.

Хоть одна, война не вечна,
Мир наступит над землей,
И вернусь в далекий вечер
Я согласно карт домой...

1942 г.

* * *

Дым-дымок папироски * —
Словно легкая грусть.
Вот хотел, а не бросил
И бросать не берусь.

Закурю — потоскую,
Вспомню край, где я жил,
Где тебя, золотую,
Навсегда полюбил.

И утонет землянка,
Будто в синем дыму,
Здесь девчонка-белянка,
Только где — не пойму.

Не пойму, потому что
Просто нету такой...
Просто было мне скучно
В этот вечер глухой.

* Сергей Орлов. Воспоминания современников. Не-
опубликованное. Лениздат, 1980, с. 273.

И с дымком папироски
Да с бутылкой чернил
В этой песенке просто
Я ее сочинил...

1942 г.

*МАТЕРИ **

Ты обо мне, родная, не скучай,
Благословив в тяжелую дорогу.
Пройдет война, и я в любимый край
Опять вернусь к знакомому порогу.

Пролег на запад наших танков след,
Зовет земля, и мы, внимая зову,
Ведем машины вдаль путем побед
И в том клянемся верностью сыновьей.

Не надо слез над строками письма...
Встречая пепел вместо сел, средь поля,
И нам бывает нелегко весьма,
Но мы не плачем, зубы сжав до боли.

Сейчас на фронте месяц март. Весна.
Уже покрылись ржавчиной дороги,
И так ясна снегов голубизна,
Что кажется, и в мире нет тревоги.

Сияет солнца непреклонный свет,
И снег в полях уж под лучами тает,
И нам идти за ясным солнцем вслед,
Как солнце снег, врагов с земли счищая...

Март, 1942 г.

* Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное. Лениздат, 1980, с. 271.

* * *

...На картах не гадай, к чему
Себя надеждой тешить глупой,
В родном краю, в моем дому,
Пусть обо мне поплачут скупю.

Вернусь, так, значит, нужно так,
Как хорошо, когда не ждали,
Прийти живым из мглы атак,
Из фронтовой грозовой дали.

Без стука двери распахнуть
И встать неслышно на пороге,
С сапог солдатских отряхнуть
Пыль дальней боевой тревоги.

1942 г.

* * *

Вот ты стоишь, в разбитых сапогах,
В шинели старой, современник века,
Ты много вынес на своих плечах,
Став очень рано взрослым человеком.

Пройдя в огне, в дыму вдоль всей земли,
Ты из мальчишки сразу стал мужчиной,
Недаром у тебя на лбу легли
Жестокие и ранние морщины.

Любовь и юность, светлая пора,
Слова, слова, звучащие когда-то...
Они не стоят ночью у костра
Одной улыбки спящего солдата.

1942 г.

* * *

Не с немцами воюем, а с болотом,
Здесь танки тонут, но мы их ведем...
Ведь кровью обливается пехота
Под пулеметом, на снегу седом.
Под минами мостим из бревен гати,
На скорости замедленной ползем.
Хрипя в укор солдатские проклятья,
Дорваться бы, пробраться, а потом...
С раскрытым люком, без разбора,
По лесу пулеметами хлеща,
Всю силу выжимая из мотора,
Ворваться в деревеньку и с плеча
Бросать в казенник веские снаряды,
И стервенеть, и напролом вести
Пятидесятитонную громаду,
Сминая все на яростном пути...

1942 г.

ВЕСНА *

В полях дороги узкие черны,
Идет весна дорогами войны.
Звенит с утра по лужицам ледок,
Своих сынов на запад шлет восток.
Проходит танк, уже зеленый весь,
Весны военной бронзовая весть.
Сидит танкист, пригнувшись, на броне,
Он рад погоде, солнцу и весне.
Тяжелый танк в далекие пути
За солнцем вслед ему в боях вести...

1942 г.

* Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное. Лениздат, 1980, с. 271.

В ЗЕМЛЯНКЕ

Что ж молчишь ты, товарищ бедовый,
И задумчиво смотришь в огонь?
Лучше с песней в землянке сосновой
Разверни на колене гармонь.

Отгремят, как тяжелые грозы,
Беспокойные эти года,
И к родным белозерским березам
Нас еще унесут поезда.

Там родные просторы безбрежны,
И летит над просторами прочь
Ветер с Ладоги, ветер с Онежья
До Архангельска, в белую ночь.

Нам ли хмуриться грустью безвестной?
Как-нибудь проживем, ничего...
Здравствуй, тихая, светлая песня,
С говорком вологодским на «о»!

1942 г.

КОСТЕР

В перелеске давно рассвело,
Мы костер разложили с утра.
Хорошо нам сидеть у костра,
Забирая горстями тепло.

Это очень похоже на дом,
Можно, сидя на хвое, вздремнуть,
И танкист задремал над огнем,
Улыбаясь устало, чуть-чуть.

Он сидел на разбитой сосне,
Улыбаясь сквозь пламя костра...
Знать, привиделась парню во сне
Золотистого лета пора.

Дом знакомый, тропинка к нему,
В палисаде рябина да клен,
И девчонка как песня в дому —
Та, в которую парень влюблен...

Но сигнал пролетел над леском:
Звали нас боевые пути...
И поднялся уже над огнем
Паренек, воротник опустив.

Он спросил, как обычно: «Пора?»
Под ногами взметнулась зола,
И к машине ушел от костра,
Зачерпнув на дорогу тепла...

1942 г.

* * *

В даль веков едва заметной тенью
День уйдет, погаснув навсегда...
Будет лишь такой же дождь осенний
В день иной, когда пройдут года.

Будет небо темное такое ж,
Будут журавли лететь на юг,
Не найдешь ты в комнате покоя,
Этот дальний день припомнив вдруг...

Будет он до мелочей похожий,
Пасмурный, короткий, дождевой,

И тебе покажется прохожий
Другом на дороге фронтовой...

Он уйдет, сутулясь, в непогоду,
Словно в дым пороховой, в туман.
Ты тогда достанешь из комода
Вороной истершийся наган...

Пару фотографий моментальных,
Письма, пожелтевшие давно...
И в стакан нальешь себе с печалью
Горькое солдатское вино.

И, кляня лихую старость, недуг,
Тишину, лекарства на столе...
Что ты там увидишь напоследок,
В вороненом узеньком стволе?..

1942 г.

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

За нами где-то по дорогам тыла
Шли танки и машины по ночам.
Пехота, растянувшись, подходила
И молча рассыпалась по лесам.
А здесь в окопах, на переднем крае,
Была такая всюду тишина, —
Казалось нам, оглохшая, слепая,
Устав от шума, спать легла война.
На солнцепеке улеглась на бруствер,
На срезанную минами траву...
Солдаты брились, пели песни грустно,
Писали письма в Киров и Москву.
Нас все же — необычная, большая —
Тревожила, знакомая, она,

Пока мы не припомним: бывает
Перед грозой такая тишина...

1943 г.

* * *

Спят солдаты крепким сном
Под тремя накатами.
Снится им знакомый дом,
В нем гремят ухватами,
Мать хлопочет над огнем,
Как всегда, торопится,
Кот мурлычет под столом,
Печка жарко топится.
Ребятишки сели в ряд
За столом без скатерти,
Мокроносые, сопят,
Ждут еды от матери.
Вдруг за окнами скрипят —
Слышат, сани-розвальни,
Входит в дом родной солдат
С клубами морозными,
Сквозь огонь лихих годин
К ним прошел сквозь муки он,
Жив, здоров и невредим,
Валенками стучает...

Но гремит в полях война
Над тремя накатами,
Позабыта тишина
И во сне солдатами.
И, быть может, через час
Так ли, по тревоге ли
Прозвучит опять приказ
Выйти в путь-дорогу им,

И пойдут вперед они,
Тихие и строгие,
На ракетные огни
Все одной дорогою,
Что через бессчетный бой
За село, высотку ли
Приведет солдат домой,
Долго ли, коротко ли...

1943 г. Декабрь

* * *

Встает стена косматого огня *,
Здесь на куски земля и небо рвется.
Здесь стомиллиметровая броня,
Как жестяная, под ударом гнется.

Но, яростны, упрямы, тяжелы,
Идут машины, грудью поднимая
Орудий раскаленные стволы,
Как мамонты, трубя и тяжело вздыхая.

1943 г.

КУКУШКА

Кукушка куковала на рассвете,
А лесом шла железная страда...
Мы знали, многим жизнь на белом свете
Уже не исчислялась на года.

* Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное. Лениздат, 1980, с. 276.

Но все-таки кукушку мы спросили —
В приметы верят люди на войне, —
И вот по двадцать лет провозгласила
Нам здравствовать кукушка в тишине.

И про себя подумали солдаты:
Когда наступят тишь и мир кругом,
Мы, может, до годов шестидесятых
По предсказанью птицы доживем.

Но вслух никто не вымолвил про это,
Шли молча, пригибая краснотал...
«Какая все же глупая примета», —
Одни из нас насмешливо сказал,

Но думал каждый: доживу, возможно,
Не всех людей хоронят на войне,
И эти двадцать лет в лесу тревожном
Накуковала птица только мне.

1943 г.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Не будешь думать вновь и вновь,
Коль за атакой вновь атака,
Про жизнь и первую любовь,
Когда устал ты как собака.

Когда настывшая броня
Прикосновеньем обжигает,
Теплом табачного огня
Когда лишь душу согревают.

Когда на все нам наплевать,
Лишь только бы скорей ракета,
Чтоб заряжать, хрипеть, стрелять.
Но лишь не ожиданье это.

1943 г.

* * *

Тонкая российская береза
Посредине полымя, огня,
Ничего, что небольшого роста,
Встала, к небу голову подняв.

Падал, умирая, ветер сбоку,
Шел стеной расплавленный металл,
Будто бы коса траву осоку,
Убивал деревья наповал.

Вся была снарядами изрыта
Черная чугунная земля,
Били танки кованым копытом
Вкруг нее долины и поля.

А она стоит себе, простая,
Будто не бывало ничего,
Белая, лучистая, босая,
Вечной жизни свет и торжество.

1944 г.

В ПОДБИТОМ ТАНКЕ

Морозной ночью в тесной башне
Броня от холода горит.
О чем-то мне ненастоящем
Товарищ тихо говорит.

Тепло товарищ вспоминает...
Он врет, нет на земле тепла!
Одна пустыня снеговая
Вчера и завтра, снег и мгла...

И я кричу ему: «Отставить!..»
Но знаю, тыщу метров нам
Лишь до тепла, но танк оставить?..
Нет! Коченей назло врагам...

Сиди и бей из пулемета,
Чтоб пальцы на крючке свело...
И коль не подойдет пехота,
Зажгут нас, будет нам тепло.

1943 г.

КАРБУСЕЛЬ

*Памяти товарищей, погибших
под Карбуселью*

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,

Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну а им еще б жить да жить!..

Прогремели орудия слово свое.
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее...
— Завтра мы возьмем Карбусель!

1943 г.

* * *

Жил на свете, не скучал
В офицерском звании,
Пулю-дуру повстречал
Родом из Германии...

Покачнулся белый свет:
— Ничего на свете нет!

1943 г.

* * *

Здесь все озера да болота,
Дорог бревенчатый настил,
Там, где с трудом идет пехота,
Нам снова танки в бой вести.

В краю суровом, невеселом,
Где каждый метр сухой земли
Напичкан до отказа толлом,
Чтоб танки шагу не прошли.

За метром метр, в снегу, в болоте,
Здесь снова в лоб нам наступать,
Победу трудную пехоте
Своею грудью пробивать.

1943 г.

* * *

Вокруг весна беспутная летела,
От нетерпенья жгучего дрожа,
И даже медь на гильзах зеленела,
И прорастали бревна блиндажа.

А мы стояли над могилой кругом,
Она как двери рубленой проем
В тот мир, откуда нет возврата другу,
Где и весна и зелень — ни при чем.

Ему теперь ни осени, ни лета
Не увидеть над самой головой.
Навек в шинель сосновую одетый,
Он навсегда остался с той весной.

1943 г.

* * *

Когда на фронте наступает ночь
И в небе загораются ракеты,
Они встают, идут от фронта прочь,
Белесыми туманами одеты.

Из ржавых вод, из голубого мха
В истлевших гимнастерках и пилотках
Они встают, беззвучна и тиха
Солдат убитых тяжкая походка.

Они проходят мимо часовых
Бессонных у замолкнувших орудий,
Они зовут по именам живых,
Но их не слышат все живые люди.

Их вдаль ведет извечная тоска
К жилищам мирным, к отческому дому
Они спешат, дорога далека,
По перелескам темным, незнакомым.

Но их в пути вдруг застает рассвет,
Петуший голос на краю России,
И на восток пути им больше нет
Через поля широкие, пустые.

Тогда спешат они к своим местам
В безвестные холодные могилы,
И воронье взлетает по лесам
И вслед кричит им хрипло и уныло.

Но если кто успеет дошагать
По тропам тайным в то село родное,
Проснется ночью старенькая мать,
И взор ее наполнится слезою.

У ней в ту ночь прибавится седин,
В окно глядеть старушка будет долго,
Почудилось, что в двери стукнул сын,
А это ветер в дверь стучит щеколдой.

И станет долго во дворе скрипеть
Сыпучий снег, стучать в ворота ветер,
В трубе печной о чем-то долго петь...
И женщина уснет лишь на рассвете.

А тот солдат останется навек
Под небесами отческого края,
И станет там кричать, как человек,
Осенний ветер, по полям летая.

1943 г.

* * *

Друзей немало хоронили,
Погибших под огнем в бою.
Но те, что снова в бой ходили,
Никто не верил в смерть свою...

Все потому, что, встав по знаку
Ракеты, устремленной ввысь,
Шли в смертный бой друзья, в атаку,
По молодой земле — за жизнь!

1943 г.

ПЕСЕНКА

Нам не страшно умирать,
Только мало сделано,
Только жаль старушку мать
Да березку белую!

Что не сделал, то друзья
За меня доделают,
Расцветет, где лягу я,
Цвет-березка белая.

Только кто утешит мать
В день, когда долинная
Будет Русь сынов встречать, —
Кто заменит сына ей?

Кто откроет, как всегда,
В дом к ней дверь широкою?
Кто обнимет мать тогда
В праздник, одинокою?

1943 г.

* * *

Матери, Екатерина Яковлевна

Погадай мне в этот вечер,
Нагадай червонный дом,
С незнакомой дамой встречу,
В брюках, в ватнике, с ремнем.
Может, с картами согласно,
В чаще рыжей, в тьме ночной
Огонек забрезжит ясный,
Словно в сказке, предо мной.

И скажу я: «Стань, избушка,
Передом... Наедине
Не тебя ли мать-старушка
Нагадала в карты мне?»

Хорошо в лесной землянке
Сапоги у печки снять,
Стукнуть, так сказать, по банке,
Завалиться на ночь спать.

Но вокруг лишь тьма ночная,
Дождь стекает по броне,
Да «Калугу» вызывает
Мой стрелок-радист во сне...
«Ни огня, ни темной хаты»
В карты старенькие, зная,
Нам, неверящим солдатам,
Мать не сможет нагадать...

1943 г.

* * *

Идут солдаты, от сапог
До плеч белы в пыли,
Среди исхоженных дорог
По лону всей земли.

Деревья шелестят в лесах,
Звенит в ручье волна,
Звезда мерцает в небесах
Им по ночам одна.

Всегда одна, всегда одна
Средь фронтовых ночей.
Всегда видна, всегда видна
В пять пламенных лучей.

1943 г.

ПЫЛЬ

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Всё по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи.

1943 г.

* * *

Кузнечики стучат в траве,
Как танки вдалеке.
Молчат тяжелые КВ
В густом березняке.

В высоком небе белый след
Как тропка через лес...
Зенитки самолету вслед
Пятнают свод небес.

Шум на дороге фронтовой.
Стучит она, гремит...
Регулировщик под сосной,
Как стрелочник, стоит.

Поднимет флаг — и путь открыт!
Другой поднимет — стой!
Пылит, сверкает и гремит
Денечек фронтовой.

1943 г.

ТАНК

(Погдинок)

Словно мамонт, яростный, упрямый,
Огненный распахивая круг,
Шел он через рытвины и ямы,
Подминая все вокруг.
В сотни лошадиных сил мотором
Фыркая и щелями кося,
Постоянно прибавляя скорость,
Землю тяжелой поступью тряся,
Страхом подавив живую душу,
Скрежетом и струями свинца,
Будто бы из тьмы веков минувших
Вырвавшийся, грозный до конца.
И тогда над узкою траншеей
Человек в шинели во весь рост
Встал пред ним, похожий на пигмея,
Так единоборство началось!
Человек занес над зверем руку,
И тогда-то смыслу вопреки,
Вздвогнув, заревев в смертельной муке,
Танк остановился от руки.
Тяжкая слетела гусеница,
Влилось пламя в щели, как вода.
Человек, усталый, бледнолицый,
Пот со лба отер рукой тогда...
Хрипло прокричавши напоследок
Голосом, от радости чужим...
Может, так его далекий предок,
Мамонта сразив, кричал над ним...

1944 г.

ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву,
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно звенел,
А где-то еще ухали снаряды,
И «мессершмитт» неистово гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И просмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек,

И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящий, на век моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, растрепав чубы...

1943 г.

* * *

Песня — что-то вроде костра,
Золотому огню сестра...

Соберет она на привале
В тесный круг на лугу
 солдат
И, подвластная запевале,
Грянет в небо, гармонии в лад.

Вот солдаты идут на песню,
Как на светлый огонь
 костра...

Никому у него не тесно
И не холодно до утра.

Отогрели сердца, как руки,
И легко нам и хорошо...
Пусть чегыре года разлуки
Мы, друзья, подождем еще.

Пусть греметь на пути пожарам
И смертям не стихать... Пройдем!
Ведь поется в песне не даром
О хорошей встрече потом...

1943 г.

* * *

Мир вспоминали в танке тесном,
И грусть нежданная пришла
О том, что легкою, как песня,
Жизнь наша до войны была.

Так из глубин траншеи небо
Солдатам кажется синей —
Похож на сказочную небыль
Клин серебристых журавлей.

1943 г.

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

1943 г.

* * *

А было под Волховом синим:
В крови поднимался рассвет,
Завязшие танки в трясине
И черные ленты ракет.
Болота, болота, болота,
За каждую кочку бои,
И молча в отчаянных ротах
Друзья умирают мои.
Ползут по кровавому следу,

По черному следу полки,
Лишь веруя сердцем в победу
Рассудку уже вопреки...

1944 г.

* * *

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин КВ ушло в атаку.
Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Ключьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата,
Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали.

1944 г.

* * *

Жить от атаки до атаки,
Мечтать о письмах и тепле
И не отдать огонь бивака
За все удобства на земле.

Мы знаем хлеба с солью цену
И сладость из ручья воды.
Что перед ними всей вселенной
И яства и садов плоды!

1944 г.

Где пройдет лишь одна пехота,
Утопая во мхах на бегу,
Танки мы вели по болоту
Сквозь пургу на станцию Мгу.
Рычаги натрудили плечи,
У механиков злость одна —
Встали мы перед Черной речкой,
Без воды она и без дна.
Через чертову Черную речку
Нет ни брода и ни моста,
Забросать и засыпать нечем,
Только мы не отступим так!
В жидкой грязи почти по пояс
Мы работали на ветру,
До бровей льдом и инеем кроясь,
И к рассвету, почти к утру,
Мы засыпали эту прорву...
Всем, что под руку попадет,
Исступленно взвыли моторы,
Танк, казалось, в торфу плывет,
И, на берег ступивши чадный,
Мы не чувствовали уже,
Что курнуть и погреться надо,
Что одежда на нас как жечь.
Занимали места без сигнала,
Где-то близко, в дымных снегах
Нас, два года прождав, лежала
Пресловутою ставшая Мга.

1944 г.

НА МАРШЕ

Пыль позади на сотни метров,
Песок скрипучий на зубах,
Машины дышат жарким ветром,
И рычаги горят в руках.

Прилечь бы на траве сожженной
Хоть на обочине, в пыли,
Уснуть, не сняв комбинезона,
Из рта не выплюнув земли...

А мы спешим, спешим на запад,
Как будто там, где пушки бьют,
Прохлады тополиный запах
И долгий отдых выдают...

Ревут моторы на подъемах,
Дрожит, покачиваясь, лес...
Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.

Колышется под ними лето,
От ветра клонятся кусты...
И молнии лежат в кассетах,
Из меди звонкой отлиты!

1944 г.

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы все перенесем с тобой:
Мы люди, а она стальная...

1944 г.

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолее земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолее...

1944 г.

ДРУЖБА

Ее начало — в танке тесном,
Где все делилось пополам,
Как черный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.

О ней, негромкой и суровой,
В огне проверенной стократ
И освященной алой кровью,
Солдаты вслух не говорят.
Ей клятв о верности не нужно,
Она, такая, выше их.
Солдатская простая дружба —
Как папироса на двоих...

1944 г.

* * *

Любители костра и солнца
Нарубим топорами дров...
Сосна звенящая, как бронза,
И к ней бересты серебро...

Дым, голубой и горьковатый,
Куриться будет до утра,
Огнепоклонники-солдаты,
Мы сядем кругом у костра...

Деревья тянут лапы-ветки,
Из-под ресниц хвои глядят:
Вот так сидели наши предки,
Наверно, тыщу лет назад.

По ним гулял священный трепет,
Огонь ладони им лизал,
А на болоте плакал стрепет,
И ветер травы подрезал...

И нам огонь, как предкам, дорог,
И мы, как предки, на земле

Слим. Роем в ней землянки-норы,
Тоскуем вечно о тепле.

И в злую непогодь и стужу,
Промокшие насквозь на нем,
Портянки и одежду сушим
И согреваемся огнем.

И даже далеко за гранью
Походных лет и всех боев
Нас будут греть воспоминанья
О золотых огнях костров.

1944 г.

* * *

Я своих фотографий тебе не дарил
И твоих не просил с собой,
О тебе никому я не говорил,
Уходя на рассвете в бой.

Это только поэты пишут в стихах,
Это только в песнях поют,
Будто женская верность на дымных полях
Охраняет солдат в бою.

Ожиданьем пули не отведешь,
Заклинать судьбу ни к чему.
Будто ты меня силой любви спасешь,
Я не верю совсем тому.

Позабудешь, устанешь ждать за года,
Если мертвым я упаду,
Схорони, забудь, я живой тогда
Непременно назло приду.

1944 г.

ФОРМУЛЯР

В войне моторов краток век мотора.
Мотору гарантийная дана
Неделя лишь, в течение которой
Он безотказен, как часы, сполна.

Поэтому учет ведется точно.
Для танка формуляр необходим.
В нем до минуты учтено построчно,
Жизнь дизеля, коль надо, проследим.

Хранит бумага, сообщают знаки.
Взгляни в журнал — узнаешь до конца
Часы похода и часы атаки...
Скупая биография бойца.

1944 г.

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЯНКОЙ

А мы в землянке обжились
И называем нашим домом,
Как будто в ней живем всю
жизнь,

И жизнь иная незнакома,
Как будто нары в два ряда,
Скрипучий стол — стоят
от века,

И не придумать никогда
Жилья иного человеку.
А нынче мы бросаем дом...
Чтоб масло разогреть и воду,
В костре столы и нары жжем,
Машины на ветру заводим.
Мы не вернемся вновь назад:

Мы этот день два года ждали.
Ракеты к западу летят,
Зовут грохочущие дали.
Мы рады покидать свой дом.
Прощай, землянка, мы уходим!
Пусть зарастает лопухом
Тропинка торная при входе...

1944 г.

ЗЕМЛЯ НОВГОРОДСКАЯ

1

Сердца стук, как короткий стон...
Хоть на тридцать минут бы в сон,
Чтобы встала дорога вдруг,
Чтобы тихо было вокруг,
Чтобы вылезти из-за рычагов
Лишь на тридцать минут всего.
Но навстречу леса, поля,
Новгородская мать-земля.
Села древние без людей
Молят будто: приди скорей!
Оскверненная старина...
Сердце, сердце, нам не до сна.

2

Тысячелетия России
Разбитый памятник в снегу
И купола святой Софии —
Мы все запишем в счет врагу.
И через Волхов мост старинный
Мы им напомним в этот час,
Когда о взятии Берлина

Над миром прозвучит приказ
И мать городов старинных
Простит нам прошлые дела,
Когда на поруганье им мы
Ее отдали купола...

3

На стене одного новгородского дома
Я увидел надпись: ESPANIA.
Здесь, на фасаде рухнувшего зданья,
Широкой кистью, буквы вкривь и вкось,
Написано старательно «Эспания»,
Читать мне эту надпись довелось.

Танкист полковник, подошедший с нами,
Остановился вдруг перед стеной,
Он, может, вспомнил камни Гвадаррамы,
Горячий полдень и далекий бой...

Парней черноволосых астурийских,
С которыми на танке в бой ходил,
На отдыхе на ломаном английском
О дорогой России говорил...

А рядом, в старой колее колёсной,
Отвергнутый далекою страной,
Весь темнолицый и черноволосый,
Лежал солдат дивизии голубой.

4

Вид синей Ильмени в тумане
Так был печален и суров,
Глазницами разбитых зданий
Глядевший нам вослед без слов.

Всех городов моей России
Он матерью от века слыл,
К крестам его святой Софии
Сам Невский голос возносил...

5

Мать — новгородская София...
Стены опаленного кремля...
Через улицы твои пустые
Мы прошли с ветрами февраля.

Громящая тяжкою броню,
Будто рыцари седых времен,
Александра Невского герои —
Танковый отдельный батальон.

1944 г. Февраль

ТАНКИСТ

Пистолет из рук не выпуская,
Выскочил из люка задыхаясь,
На пути двоих убил гранатой
И приполз, а на лице нет кожи,
И врачи сказали в медсанбате:
Этот парень вряд ли выжить сможет...

С губ слетело хрипкое проклятье:
Значит, полз и принимал все муки
Для того, чтоб умереть в кровати,
На груди сложив спокойно руки...
Смерть пришла, назвал ее бесстыжей,
Жить решил назло всему — и выжил...

1944 г.

Только хруст корневищ сквозь прогнившие кости,
Только голос подземных ручьев.
На забытом, поросшем крапивой погосте
Мы лежим, может, год, может, тыщу веков.

1944 г.

* * *

Пусть о нас вспоминать будут редко,
Пусть потомки забудут о том,
Как за них несчастливые предки
Умирали под Мгой и Орлом.

Все равно в этой жизни далекой
Будем вечно мы жить среди них
Черноземом на пашнях широких,
Кирпичами в дворцах голубых.

В легкой песне берез по дорогам,
На рассвете в прохладной росе,
В ясных реках и травах, во многом,
Без чего нету жизни совсем...

Без чего не сбывается счастье...
Мы придем непременно в него,
В этот век, через дым и ненастье,
Став свободным дыханьем его.

1944 г.

*СТИХИ О КОНЦЕ ВОЙНЫ **

Война окончится Победой,
Наступит мир — оглушит,
Когда, отмечен дымным следом,
Последний выстрел прозвучит.

Умолкнут пушки на планете,
И у бойцов в полях, лесах,
Где только ветер, ветер, ветер,
Кровь остановится в висках.

И те, кто жив, сердца биенье
Почувствуют в своей груди,
Второе ощутят рождение,
Увидят счастье впереди.

Оно придет с листком газеты
В блиндаж обугленный, в окоп,
Оно охватит всю планету,
И страшный пот покроет лоб.

Что это, опечатка, может,
Во весь газетный лист сырой?
И кто-то вдруг обронит с дрожью
Звук непонятный и чужой.

И на него прикрикнет кто-то:
— Не святотатствуй! — Но вокруг
Умолкнут разом пулеметы,
И тишина наступит вдруг.

* «Наш современник», № 8, август 1978 г.

И, ничего не понимая,
Он встанет в рост в окопной мгле,
И грянет, мир перерезая,
Последний выстрел на земле...

1944 г.

ДЕРЕВНЯ ГОРА

В небе клубы дыма плыли,
Пламя прядало, шурша,
Ни одна, когда отбили,
Нас не встретила душа.

По угрюмой и пустынной
В наступившей тишине,
Люки распахнув в машинах,
Мы прошли тогда по ней.

И забыл ее бы просто,
Я деревню на бугре,
Если бы не привелось мне
За деревню гореть.

Рыжим кочетом над башней
Пламя встало на дыбы...
Как я полз по снежной пашне
До окраинной избы.

Опаленным ртом хватая
Снега ржавого куски,
Пистолет не выпуская
Из дымящейся руки.

Не расскажешь в этой песне,
Да и ни к чему. Потом
За меня ребята честно
Расквитались там с врагом.

И осталась несожжена
Деревенька вдоль бугра
На земле освобожденной
По названию Гора.

1945 г.

* * *

Когда под пулями лежишь,
Уткнувшись в землю, без движенья,
С особой силой ощутишь
Закон земного притяженья.
Ты двадцать лет ее подряд
Спокойно попирал ногами
И лишь к ручью склониться рад,
Припав горячими губами.
Ползет по кочке муравей,
И ты, всеильный царь природы,
Ты позавидуешь ему
Лишь одному под небосводом.
Он мал, он в землю уползет,
Его не тронет пуля злая,
Твой друг убит, а он живет,
Ни войн, ни битв не признавая.
Земля — она как щит стальной,
Когда поднимаешься по знаку,
Захочется перед собой
Ее поднять, идя в атаку.

1945 г.

А. Матросову

Нелегко умирать довелось им *
В неуклонном стремленье вперед...
Как серпом подрезают колосья,
Их подрезал в снегу пулемет...

Пресловутый закон притяженья
Здесь открыть без Ньютона могли б.
И живые лежат без движенья
И не могут подняться с земли.

Но встает паренек под прицелом,
Грудь его — словно горный хребет.
Он от Родины собственным телом
Закрывает врага пулемет.

И уходит его молодая
Жизнь слепящим мгновеньем в века,
Во весь рост за собой поднимая
По широкому фронту войска...

И Победе Москва салюрует,
И хоронит бойца батальон.
А солдаты в минуту такую
Открывают отваги закон.

1945 г.

* Сергей Орлов. Воспоминания современников. Не-
опубликованное. Лениздат, 1980, с. 279.

* * *

Ни травинки на ней, ни куста,
Окаянная высота.
Окаянная, дорогая,
Потому что с бою взята.
В жарком поте, в крови, в пыли —
Только пядь планеты Земли.
Снайперы, дорожа патроном,
Бьют на выбор, наверняка.
И дрожит над кремнистым склоном
Одуванчик седой, дыша.
Умереть на ней легче людям.
Трудно жить на ней в этот час,
Прижимаясь к суглинку грудью
И с врага не спуская глаз.
Я доподлинно это знаю,
Не выдумывая ничуть:
Это юность моя боевая
Укрывает за камнем грудь.
Это мне подниматься надо
Над камнями, над высотой,
Обнимая шейку приклада,
Принимая сегодня бой...
Багровая струйка бежит у виска,
Сжимает гранату упрямо рука.
Мне надо под пули решительно встать,
Гранату его неостывшую взять
Из пальцев железных, холодных, сухих
И бросить ее за двоих.

1945 г.

* * *

Когда над самой головой *
У нас враги приклад вздымали,
Под Ленинградом и Москвой
Мы наших предков вспомнили.

В траншеи Невский шел к бойцам
С Суворовым одной походкой...
В тот час не двадцать было нам —
России были мы погодки.

В атаку с нами шли года,
Шел русский дух непобедимый,
Мы не срамили никогда
Великих предков наших имя.

А внуку будет тяжелей,
В ночь отправляясь на разведку,
Он вспомнит, как богатырей,
Нас, все выдавших в жизни, предков.

Воспоминание укрепит
Его в суровую годину,
И память он не посрамит
Солдат, дошедших до Берлина.

1945 г.

*НОЧНЫЕ БОМБАРДИРОВЩИКИ ***

Какая ночь! Шумят, поют березы,
И даже слышно, как вверху прошли

* «Наш современник», № 8, август 1978 г.

** Там же.

Рокоцущие клинья бомбовозов
Над темными просторами земли.

Над ней горят в ночи одни планеты,
И путь по ним сверяют штурмана —
На черный запад с ясного рассвета
Его на небо нанесла война.

Как будто кони мчались по зениту,
Роняя искры вниз из-под подков...
Тяжелыми копытами зениток
Протоптана дорога ночников.

Над ней занесены, над городами
Слепящие багры прожекторов.
Аэростаты с рыбьими хвостами
Закинуты до самых облаков.

Но через все преграды неуклонно
Раскалывая клином облака,
До вражеских объектов обреченных
Они прорвутся уж наверняка.

Чтобы родное небо стало разом
Для всех врагов зловещим и чужим,
Чтобы оно обрушивалось наземь,
На головы, все превращая в дым,

В золу и пепел в ярости мятущей,
Сводя с ума деревья. И тогда,
Мигнув огнями, повернет ведущий
В обратный путь крылатые суда.

1945 г.

* * *

Сумрак сел. Соловьи в кустарниках
Промывают горло росой,
Прикрываем башни угарные
И ложимся в ковыль густой,
Прокопченные дымом, потные,
Будто с пахоты тугари.
Хорошо машины работали,
От зари до другой зари.
Краска лупится на орудиях,
Кровь, как ржавчина, на броне.
И вдыхаю широкой грудью я
Запах клевера в тишине.
Все мне кажется — плугом взорвана
За дорогою целина.
«Трактористы» от пыли черные,
В гимнастерках, при орденах...

1945 г.

* * *

В полях уже осыпались траншеи,
И стерлись танков тяжкие следы,
Воронки бомб бестрепетно синеют,
Напоминая тихие пруды.
Земля сама свои врачует раны,
Трубят отбой тревоги журавли.
Война давно ушла в чужие страны,
И в городах уже огни зажгли.
Приходит вечер, розовеют дали,
Кузнечик в травах молодых звенит,
И до конца войны уже остались
Не месяцы, а может, только дни...

1945 г. Апрель

* * *

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли..
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка...

1945 г.

* * *

Руками, огрубевшими от стали,
Писать стихи, сжимая карандаш.
Солдаты спят — они за день устали,
Храпит прокуренный насквозь блиндаж.
Под потолком коптилка замирает,
Трещат в печурке мокрые дрова...
Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова,
И задохнется от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых,
Которые сбивают наповал.

И, не видавший горя и печали,
Огнем не прокаленный, как кузнец,

Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в стихах поет свинец,
Как дымом пахнет все стихотворенье,
Как хочется перед атакой жить...
И он простит мне в рифме прегрешенье...
Он этого не сможет не простить.

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках...

1945 г.

НОЧЬЮ

Мы к дулам пушек вяжем переноски,
Своих машин выравниваем строй,
А к вечеру ударит ветер жесткий
Угарным дымом, снегом и зарей.

Нога — на газ, рука — к щитку стартера.
Давай колонну выводи, комбат!
В полтыщи лошадиных сил моторы
Во всю стальную мощь свою гремят...

Вот тронулась невидимая сила,
И кажется во мгле среди болот,
Что ночь сама по фронтовым настилам,
Гремя железом, на врага идет.

1947 г.

АТАКА НА РАССВЕТЕ

Заря сверкнула над равниной —
И вот фашисты наугад,
По солнцу, мина вслед за миной,
Как очумелые, палят.

Они палят, палят с заката...
Но солнце расстрелять нельзя,
И умолкают автоматы,
И тишина встает, грозя.

А мы встаем несметной силой,
Штыками раздвигая тьму,
Как бы дорогу для светила
Прокладывая в злом дыму.

1947 г.

У СГОРЕВШЕГО ТАНКА

Бронебойным снарядом
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...
Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал,
Как патроны рвались и снаряды.

Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из «ДТ»
По угрюмому лесу пунктир

Прочертил,
Даже мертвый
Крючок пулемета сжимая.

На кострах умирали когда-то
Ян Гус и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...

Люк открой и взгляни в эту башню... —
Где пусто, черно —
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

1947 г.

* * *

Дымок — дыхание костра —
Ввысь отлетит и там растает,
А угли на снегу с утра —
Как снегирей багровых стая...

Вспугнув ударом сапога
Горячих птиц, встают солдаты.
Клубятся дымные снега,
С рассвета путь лежит к закату.

А вечером, когда костры
Опять на дальнем побережье,
Гибки, упруги и остры,
Седеющий туман разрежут —

Повесят молча в тишине
Над бивуаком автоматы

И станут гладить по спине
Огонь усталые солдаты,
Весь мир прошедшие в огне...

1947 г.

ПОСЛЕ БОЯ

На закате окончился танковый бой.
Грохотали моторы,
Вдали догорали «пантеры»...
Прокатилась
По синему небу
Над черной землей
И упала
На столбик сосновый
Звезда из фанеры...

1948 г.

* * *

Да, не поле перейти —
Жизнь прожить. А если в поле
Гром снарядов на пути
И огонь на суходоле?

Щели черные траншей,
В ржавой проволоке травы,
В перелеске батарей
Длинные стволы направо.

Метров восемьсот пути
Под огнем косоприцельным, —

И по полю перейти
В жизни стало главной целью?..

Скажешь, глянув на звезду,
Что сквозь тучи светит скудно:
Если поле перейду,
Будет жизнь прожить не трудно...

1947 г.

* * *

У огня своя архитектура:
Пламени готические башни,
Дыма голубые купола...
Где я видел странные фигуры?
Вспоминал их у костра на пашне,
Но и память вспомнить не могла.
Может, за Варшавою костелы?..
Может, церкви белые в Софии?..
Или, может, это наши села
Догорали в трудный год в России?..

1948 г.

НА ПРИВАЛЕ

Как из камня высечены сталью,
От сапог до самых плеч в пыли,
Разметавшись молча на привале,
Спят солдаты посреди земли.

А от них налево и направо
Зарева полощутся во мгле,
Догорает грозная держава
В свежей ржави, в пепле и золе.

Батарей издали рокочут,
Утопают города в дыму,
Падают разорванные в клочья
Небеса нерусские во тьму.

Но спокойно за пять лет впервые
Спят солдаты посреди огней,
Потому что далеко Россия —
Даже дым не долетает к ней!

1948 г.

* * *

Учила жизнь сама меня
Она сказала мне,
Когда в огне была броня
И я горел в огне.
«Держись, — сказала мне она, —
И верь в свою звезду,
Я на земле всего одна,
И я не подведу.
Держись, — сказала, — за меня».
И, люк откинув сам,
Я вырвался из тьмы огня
И вновь приполз к друзьям.

1945 г.

ПОЕЗД

Простучит по рельсам поезд,
Пронесется эшелон,
В золотых лесах по пояс,
Фонарем мигнет вагон.

Станет вдруг легко и грустно,
Вдаль потянет, позовет...
Кто-то там на полке узкой
Полустанкам счет ведет,

Смотрит в окна долгим взором,
И, повсюду начеку,
Поднимают семафоры
Руки разом к козырьку.

Из Берлина иль из Праги
Едет он к родным местам,
И рябины, словно флаги,
Пламенеют по лесам.

1945 г.

* * *

Матери, Екатерине Яковлевне

Пароход покричал, покричал,
Бросил чалку на мокрый причал.
Я на землю по трапу ступил,
За которую в битву ходил,
Спал в снегу, у лесного костра,
Шел навстречу горячим ветрам.
В танке тесном два раза горел, —
Несмотря ни на что, уцелел.
И в разгар вологодской весны
Возвратился сегодня с войны.
Вот он, старый, с разбитым окном,
С тополями родительский дом...

Здравствуй, столько прождавшая мать!
Больше некого нам ожидать.

Пусть ни слез, ни тоски нам теперь,
Пусть разлука уходит за дверь.
Не ушел еще тот пароход,
Он разлуку с собой заберет.

1944 г.

ПЕРЕД ПОРОГОМ

Все то же — дом и тополь
Комолый у ворот.
Все то — от трав до стекол,
Лишь только я не тот.
Не тот я, не мальчишка
С веселым вихорком,
Знакомый лишь по книжкам
Со всем, с чем я знаком:
С дорогой, с расставаньем,
Со смертью и свинцом,
Со страшным расстояньем,
Где дым и пыль в лицо.
И вот я дверь открою,
И в рубленый проем
Вдруг хлынет все такое,
Что помнится с трудом.
Стою, и силы нету
Тугую дверь открыть.
Хоть кто-нибудь ракету
Додумался б пустить!

1944 г.

* * *

Над моим родимым краем
Посреди недвижных вод
В небе красным караваем
Солнце медленно встает.

И как будто бы с обрыва,
Чей — не вспомнить, как волна,
С лодки крик летит счастливый:
«Люди, кончилась война!..»

Подчистую комиссован,
Не убитый, молодой
Над сиреневой, лиловой,
Над рассветною водой.

Я от солнца глаз не прячу,
В гимнастерочке стою,
Я стою, смеюсь и плачу,
Белый свет не узнаю.

А у нас в зеркальной шири —
Белый, розовый рассвет.
Тишина. Начало мира.
И войны на свете нет.

1945 г.

ПОБЕДА

Она пришла с улыбкою с вокзала
И скинула с порога вещмешок.
В избе светло необычайно стало,
И сразу ни печалей, ни тревог.

И мать руками сына обнимает.
Так вот она, Победа, какова:
В защитной гимнастерке, молодая,
И у нее седая голова...

1945 г.

МАТЬ

Она молилась за победу,
Шесть сыновей на фронт ушли,
Но лишь когда упал последний,
Чтоб никогда не встать с земли,
Победа встала на пороге,
Но некому ее встречать...
«Кто там?...» — спросила вся в тревоге
От слез ослепнувшая мать.

1945 г.

* * *

Не таким, не в войну, с полпути,
Я мечтал в этот домик прийти.
Щеки в шрамах, в багровых рубцах
(Нету прежнего больше лица),
Руку скрюченную неся,
Кисть багрова, как лапа гуся.
Смотрит с жалостью женщина: вот
С фронта новый калека идет.

1945 г.

* * *

Будут жарко натоплены печи,
За морозным окном тишина.
Отставной лейтенант в этот вечер
Загрустит за бутылкой вина.

А с пластинки, надтреснутой, черной,
Чей-то голос, негромкий, родной,

Повторять ему будет упорно
О землянке в походах под Мгой,

О равнине, холодной и мертвой,
О девчонке, курносой чуть-чуть,
Что живет на пластинке истертой
Да, наверно, еще где-нибудь.

1945 г.

* * *

В детстве в речке меня ловили,
Откачали, остался жить.
Парнем стал, в поход снарядили,
Шлем танкистский дали носить.

Пламенем два раза опаленный
(На газойле горит броня,
Ключья кожи летят с ладоней),
Я выскакивал из огня...

Все прошедший, огонь и воду,
Не в пословице, наяву!
Сколько лет, до какого года
Проживу?..

1945 г.

* * *

Что говорить, я не грущу
И просто так, чего-то ради
Себя надеждой глупой льщу,
Как осужденный о пощаде.

О том, что ты придешь ко мне.
Как парус из морей далеких
На повернувшей вспять волне...
И пусть давно минули сроки.

И письма выцвели давно,
И ты мое забыла имя...
Что говорить, я все равно
Живу надеждами пустыми.

1945 г.

* * *

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

1945 г.

* * *

Живу, как получается,
Один и налегке,
Весь дом мой помещается
В походном рюкзаке.

Во все четыре стороны
Открыты мне пути,

А я хочу нетореный
И пятый путь найти.

Хожу, где не положено,
Испытываю жизнь,
И пусть мне вслед прохожие
Кричат: «Чудак, вернись!»

1945 г.

* * *

Вздохнула наконец легко
Земля, под пеплом оживая,
И стало видно далеко
Солдату в этот полдень мая.
Европу всю из края в край,
Америки далекий берег
И цепи журавлиных стай
Над деревушками под Тверью,
Туманы в лондонском порту,
Над Индией дожди косые,
Вот на какую высоту
Взошел солдат в родной России.

1945 г.

* * *

Долг, атака, честь мундиров наших,
Слава на войне, и без нее нельзя,
Может, потому и стали старше
Лет своих безусые друзья.

Рано облеченные правами
Посылать на смерть и в бой вести,
Мы в расчет того не брали сами,
Что еще и не жили почти.

1945 г.

* * *

На старый рубеж подо Мгою
Пришел на рассвете солдат.
Места отшумевшего боя
В тиши и туманах лежат.
Он здесь воевал в сорок третьем,
Но память была ни при чем,
Когда он увидел, как ветер
Взмахнул над лесами огнем.
В атаку высокие ели
Пошли полукругом вперед
В тяжелых зеленых шинелях,
Забрызганных грязью болот.
Косматыми взрывами сосны
Взлетают над черной землей,
В бинтах умирают березы,
Гремит нескончаемый бой.
А ели в атаку в долинах
Идут и идут на ветру,
И флагом багряным рябины
Над дотом горят на бугру.

1945 г.

*ЮНОСТЬ, ВОЙНА И СЛАВА **

Забытый орудийный гром
Мне память по ночам тревожит...

* Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное. Лениздат, 1980, с. 292.

Да, я не в силах об ином,
Да, я пишу о том и то же.
Мои старинные друзья,
Ровесники,

однополчане,
Из тех, кого забыть нельзя,
Тем паче обойти молчаньем,
Не вытирая с ног земли,
Шинелей не стряхнув при входе,
Какими в жизнь мою вошли,
В мои стихи сегодня входят.
Лишь час назад окончен бой,
И через час опять сраженье...
Вновь дым газойля голубой
И башен тяжкое вращенье...
Поскрипывает тишина
Под коваными каблуками.
Встает ущербная луна
И разбивается о камень...
Пропахший порохом простор,
Полотнища зари и дыма
Косматый ветер распростер.
Сквозь все пройти необходимо.
Огонь по плечи.

Снег по грудь.
Упала из-за туч ракета.
И вновь неповторимый путь
Ты повторяешь до рассвета.
И вновь лить кровь у Мги на мхи,
Тонуть на нарвской переправе...
Вот так рождаются стихи
О юности, войне и славе.

1945 г.

ПОЗЫВНЫЕ ЗЕМЛИ

* * *

Огонь на поленьях сосновых в печи
Костры на привалах напомним в ночи,
Далекую осень, раскат журавлиной трубы,
Дороги солдатской судьбы.
Мне очень тоскливо и горько.
К чему — не пойму?
Я сердце и душу махоркой
Дойму. Почему
Ты писем не пишешь,
Открыток не шлешь издали?
Над черною крышей
Прошли, рокоча, журавли.
И умер огонь. Замолчала за стенкой вода,
В рассветную сонь погрузились и в синь
города.

Сегодня я старый,
И тысячелетняя грусть
Ложится недаром ударом на сердце,
Но пусть. Пусть ты обо мне

Вспоминаешь не часто, не так.
Ерунда!
Огонь оживет. Заворкует за стенкой
вода.

И годы пройдут журавлями,
И канут вдали журавли.
С годами отстану грустить
И тебя затеряю вдали.
Женюсь. Закажу себе трубку,
Халат закажу.
И осенью в грубку
Березовых дров наложу.
И их разожгу, как костер,
И, остер, огонь языкатый
Откроет далекий простор,
Солдатских биваков седеющий дым.
Молодым я стану. Из мрака
Ты к ним через дым
Придешь, будешь греться со мной у костра.
Пока непреложная полночь
Не скажет — пора.
И ветры не стукнут о ставни,
И ты не промолвишь: «Оставь мне
Здесь место — пора».
И я от души буду рад,
Что не встретился навек с тобой
И ты мне осталась
Такой молодой.

1945 г.

* * *

На фоне нарисованного сада,
Где статуи белеют и дворцы,
Четыре парня как-то снялись рядом,
Совсем еще безусые юнцы.

Они глядят восторженно с портрета
Вдаль из забвенья преданного дня,
И крайний паренек по всем приметам
Похож на непохожего меня...
Смешные, неуклюжие мальчишки,
Им даже в снах не снилось
В дым, в огонь шагать...
Жить, как тому не обучали книжки,
Спать на снегу, пить спирт и убивать...

1945 г.

* * *

Человека осаждают сны —
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины.

Очень тихо тикают часы.
Стрелок фосфорических усы.
Он лежит — седой и одинокий —
Посреди нейтральной полосы.

Светом алюминиевым ракеты
Догорают, и грохочет гром.
Время меж закатом и рассветом
Человек проводит под огнем.

1948 г.

* * *

В пустых землянках, в спутанных траншеях
Живет душа исчезнувшей войны,
В глухих углах, где поселились змеи,
Где бревна, как покойники, черны.

Разгладит время жесткие морщины
На всем лице израненной земли,
Не вспомнят люди даже в годовщины
О том, что здесь когда-то битвы шли.

Но, может быть, когда-нибудь потомок
В саду, где вишни с грушами цветут,
Разроет дота древнего обломок
И, содрогнувшись, взглянет в пустоту.

Металл сгоревший плесень охватила.
Во тьму песчинки катятся шурша.
Покажется: во мраке притаилась
Войны умершей смрадная душа!

1948 г.

* * *

Цветет за окнами картофель,
Топорщит перья сизый лук,
Березки сгорбившийся профиль,
И тишина, и мир вокруг.
Да, мир настал, так непохожий
На дни войны. Но нам, видать,
И мир тот будет долго все же
Еще войну напоминать.
Пчела покажется за пулю.
Грохочущий сурово гром
Бомбежку в огненном июле
Напомнит, падая на дом.
Стрижами берег весь прострелен,
Как будто очередью вдруг
Вел пулеметчик, глаз нацелив,
С гашетки не снимая рук.
И полыхаются закаты

Над озером по вечерам,
Как будто вновь пылают хаты
По украинским хуторам.
Звезда летящая, комета
Как звезды мертвые войны —
Шипящие в ночи ракеты
С чужой, немецкой стороны.
Березы, раненные будто,
Бинтами все перевиты...
И тишина любого утра
Как перед штурмом высоты,
Когда кончают бой орудья,
И враг молчит, и все молчат,
И слышно вдруг, как дышат люди
И как сердца в груди стучат...
Нам мало вдосталь отоспаться,
Шинели снять, прийти домой,
Чтоб мирной жизнью наслаждаться,
Не сравнивая мир с войной.
Лишь время зарубцует память,
И успокоится душа.
И взглянем мы на мир глазами,
Дней прожитых не вороша.

1945 г.

* * *

Ну что судьба, ты на нее не сетуй,
Неповторимо наше бытие,
Она тебя вела по белу свету
И сохранила в тысяче боев.
Мир многоцветен, груб и многогранен,
В нем жажды до конца не утолить,
И не предвидеть ничего заранее,
И никогда не отхотеться жить.

Жить так, чтоб за спиной широкой выюга,
Чтоб звездная метелица мела.
Морозы тундры, злое солнце юга
И день и ночь, горячий свет и мгла.
Чтоб рушилось и снова возникало,
Чтоб солью пропитался воротник,
Чтоб в руки въелась изморозь металла,
Огонь в тугие мускулы проник.
Чтоб шли деревья сильными ногами,
Чтоб плакали и пели поезда,
Булыжники гремели кулаками
И трепетала синяя звезда.
Чтоб где-то на сосновом полустанке,
В далеком и неведомом краю
Девчонка, босоногая белянка,
Вдруг загляделась в молодость твою.
Пройдут года, и с женщиной любимой
Когда-нибудь неправду ощутишь,
Ты вспомнишь полустанок, клубы дыма
И вновь о невозвратном загрустишь...
И вновь не будет на сердце покоя,
Тебе простор откроется иной;
Пить жар степей, смолистый запах хвои,
Цветов и трав томительный настой.
Лугам не сохнуть, не иссякнуть водам,
Не надыхаться воздухом тебе,
Не запроситься на покой и отдых,
Не изменить товарищам в борьбе.
Они прошли по этой жизни просто,
В подкованных тяжелых сапогах,
Махоркой и соленым потом воздух,
Где шли они, на все века пропах.
Им было трудно, но путям спокойным
Они и в мыслях свой не предпочли
Жестокий путь, через труды и войны
Ведущий к счастью ясному Земли.
Их руки с узловатыми корнями

В суглинке и песчанике сплелись,
И не понять, корнями иль руками
Поднята ввысь ликующая жизнь.
И не понять, какие хлещут соки
По жилам медных сосен и дубов,
Где жизнь берет начало из гробов...
Взгляни на мир широкими глазами,
Завещанный друзьями, в смертный час.
И вот ты, весь его увидев, замер...
От полюса до полюса лучась,
Земля вертится, накренясь грозно,
И метлы пальм на тропиках с небес
Сшибают за полночные звезды,
И вздрагивает, в них сверкая, Южный Крест.
Дымятся горы, необычно юны,
Пьянит кристальный воздух, как вино.
За жемчугом ныряльщики в лагунах
С ножом в руке кидаются на дно...
Конь поднимался, рыжий ястреб падал,
На цыпочках качается трава,
И сквозь шторма таинственной привадой
Морепроходцев манят острова.
Геологи втыкали альпенштоки,
К отвесным скалам привалясь плечом,
И день вставал горящий на востоке,
Не кончившись на западе еще...
Костры горели где-то на привалах,
Ни на минуту мир не замирал.
Все в нем перекликалось, трепетало,
Ворочалось, сшибалось наповал.
Невпроворот свирепая живучесть
Бурлит на скалах, горяча.
Земля свою положенную участь
Несет, как солнце, на литых плечах...

1945 г.

БЕЛОЗЕРЬЕ

1

Здесь ели, словно колокольни,
Подняли к облакам кресты,
И древней темнотой раскольной
Темны овины, как скиты,
И за раздольем трав духмяных
Болотных, рыжих и густых,
Над озером плывут туманы,
Плывет протяжный шум тресты,
Как гул молитвы староверской,
Сердца щемя глухой тоской...
О край дремучий белозерский,
Старинный, озерной, лесной.

2

Вновь над курганом Синеуса
Взошла червленая луна,
Над всею православной Русью,
Как круглый русский щит, она.
Пускай она в Тысячеверстье
Там, за Непрядвою-рекой,
Князей отважных белозерских
Прикроет сталью броневой.
Там небо скрыто в тучах чадных,
Крик над Мамаевой ордой,
Князя выводят полк засадный...
О Русь, вот день победный твой.

На городском валу заплачу
И ветром слезы осушу,
Мне вдовый жребий предназначен,
Но на судьбу не заропщу.

Он спит на поле Куликовом,
Мой князь, мой муж. И Русь его
Качает на груди пуховой,
Возлюбленного своего.

А мне, как чайке, убиваться
Над озером, тоску тая...
Не сможет по Шексне подняться
Его узорная ладья...

1945 г. Июнь

* * *

Где ядра раскаленных помидоров
С мохнатых стеблей шлепаются наземь,
Стучал кузнечик маленьким мотором,
Как робот, голенаст и несуразен.

Шли муравьи, закованные в латы,
Тяжелыми клешнями угрожая,
Как войска неизвестного солдаты
Мне в руку шпаги яростно вонзая.

Рогатый, как олень, с какой-то целью
Упрямый жук ворочал комья глины,
И пыль на металлическую спину
Ему ложилась, на зубах хрустели

Песчинки, как булыжник, жизнь кипела,
Точили листья гусеницы. Травы,
Топча друг друга, пробивались к небу,
Жить непременно все имело право.

Качалась на цветке и руки мыла
Оса, в трико с полосками одета,
А я, как бы на мир иной планеты,
Глядел на все и заслонял светило.

1945 г.

ЖУРАВЛИ

Сыплет ветер северный, раздобрясь,
Золото деревьев вдоль земли,
В Африку, в Египетскую область
Улетают в небе журавли.

Улетят они в страну чужую,
На прощанье обронив перо.
Будут жить, по родине тоскуя,
Зиму проклиная и мороз.

Крокодилы на далеком Ниле
Журавлям напомнят топляки,
Что плывут посередине милой
Северной сплавной Шексны-реки.

Возле фараоновой гробницы,
Там, где пальмы, камни и пески,
Будет им все время север сниться,
Светлые от звезд березняки.

И, презрев природы изобилье,
В час, когда трещит на Волге лед,
Журавли, свои расправив крылья,
В яростный отправятся полет.

Через ветры, холода и грозы,
Пух в пути теряя и перо,

К рыжим поймам, к тоненьким березам
Голубой весеннею порой.

Так бывает с русским человеком:
Час придет — родимая земля
Через океаны, горы, реки
Позовет к отцовским тополям.

И ничто его не остановит,
Словно бы летящих вдоль морей
Из Египта к давнему гнездовью
Молодых горластых журавлей...

1945 г.

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

За околицей у колодца
Долговязый журавль стоит,
Воду пьет, никак не напьется,
Хочет в небо — и не взлетит...

В небо цепь его не пускает,
И, с тоскою шею подняв,
Смотрит он, как на юг улетают
Журавли на исходе дня.

1945 г.

* * *

Облако за месяц зацепилось,
За рекой кричали поезда.
Ничего такого не случилось,
Только грусть пропала без следа.

Просто захотелось оглянуться,
Постоять у моста, у воды,
До неба тростинкой дотянуться,
Прикурить сигарку от звезды,

Услыхать травы произрастанье,
Трепет за полночных планет
И еще того, чему названья
В нашем языке, пожалуй, нет...

1945 г.

* * *

По небу падает тихо звезда,
Травы звенят под ногами в росе,
Что мне сейчас на звезду загадать,
Чтобы желанья исполнились все.

Танцы играет гармонь за рекой,
Моет вода камыши в тишине,
Месяц березовой желтой клюкой
Щупает черные камни на дне.

Вот погрузу, у реки постою,
Встречи с тобой помяну и пойду,
Да про рябину негромко спою
И, помолчав, закурю на ходу.

1945 г.

* * *

По одной нам земле ходить
И под солнышком, и под месяцем,
Так положенный век прожить,
Что во веки веков не встретиться.

От печалей и от тревог
Не убавят годы и странствия,
Все мне чудится, как рожок
На забытой смолкает станции.

Все мне видится синий бор,
Желтый домик под красной крышею,
В чистом поле дымный костер,
Только имя твое слышу я.

1948 г.

НА ДОРОГЕ

Березка с желтого откоса
Нырнула в синюю реку...
У моста темный сруб блокпоста,
У семафора на суку.
Огонь, как яблоко, зеленый
Качается порой ночной.
Встречает горлинка вагоны
У стрелочницы молодой.
На грядках кочаны, как луны,
Шлагбаум — тесаный жираф.
Звенит в серебряные струны
О чем-то дальнем телеграф.
О жизни, что несется в скорых
Без остановок, по пути
И хочется вслед за которой
Пешком по шпалам ей уйти...

1945 г.

Мир безначальный, бесконечный...
Мы пассажиры на Земле,
Летим, а мимо свищет вечность,
Сверкая звездами во мгле.
Куда — уму непостижимо,
К судьбе неведомо какой,
И Млечный Путь, как лента дыма,
Блестит над самой головой.
Страдая, радуясь и мучась,
Пытливо напрягая ум,
Предугадать не в силах участь
Мгновеньями высоких дум.
Где дерзость выше человеческой?
Случайный гость коры земной,
В твои дела вмешаться, вечность,
Он хочет слабою рукой.
Все непреложные законы
Бескрайней вечности открыть,
Никем не созданное лоно
Самой природы изменить.
Он хочет стать творцом, какого
Привык сам отрицать, хулить.
Миры свергать единым словом
И сызнова миры творить...

1945 г.

ЗАКАТ

Мир был оранжев, синь и розов,
За гранью видимой черты
Он был поэзией над прозой,
Раскинувшей свои мосты.

Шли облака, как волны газа,
Червонный оставляя след,
И вдруг над горизонтом разом
Зоднакальный вспыхнул свет.

Как будто покачнувшись странно,
Свод раскололся золотой,
Открылась дальняя поляна,
Сияя неземной травой.

Она неистово манила,
Восторгом душу цепеня.
В каких мирах, какая сила
Взрастила эти зеленыя...

Они цвели одно мгновенье,
Зазолотившись по краям,
Но красок новое смешенье
Все разрубило пополам.

Как будто кто-то электродом
Провел по щели сгоряча,
Сварив края литого свода
Огнем последнего луча.

И фиолетовую дымкой
Расплавленный покрывся свод.
То, подобравшись невидимкой,
Ночь из-за дальних туч идет.

И купол неба остывает,
Сияя вдаль и глубину,
И вот уж искры звезд взлетают,
Потрескивая, в вышину...

1945 г.

* * *

Из комнаты светлой и тишины
Порог как мистическая черта,
Я выйду за дверь: ни звезд, ни луны,
А в воздухе духота.

Ночь непролазная, как тайга,
Выкальвает глаза,
Но где-то вода летит в лога,
Как поезд на тормозах.

Кричит заблудившийся пароход,
На мачте осколок луча,
И глухо двенадцать часов пробьет
Невидимая каланча.

В такое время из портов идут
С десантами корабли,
И рации в жарком, частом бреду
Зовут позывные земли.

1945 г.

* * *

А ночь идет, она уж на исходе,
Сурово одиночество мое,
Поет петух горластый гимн природе,
С насеста прославляя бытие.

Оно еще подернуто туманом,
Клубится, проясняясь, с высоты...
Предутреннюю дрожью на полянах
Охвачены намокшие цветы.

Сиги голубоватые в озерах
Ворочаются в водорослях, где
Бездомных звезд сухой, летучий порох
Взрывается бесшумно на воде.

Вот на востоке дрогнула завеса
Туманной мглы, и музыка звучит,
Издаেকে стремительно над лесом,
Как копыя, в небо прыгнули лучи.

1945 г.

* * *

Мне кажется, что я живу
Немало лет, немало весен,
И то, что прошлым здесь зовут,
Однажды с будущего спросят.
Мне кажется, что я опять
В году неисчислимом, древнем,
Проснусь, чтоб жить, мечтать, страдать,
И пиво пить, и есть в харчевне.
Мир вечен, в вечности не раз
Дано мне снова повториться.
И то, что в жизни я сейчас
Познал, не боле чем страница
Из книги жизни, бытия.
Есть бытие, а остальное
Лишь только выдумка моя,
Как сам, как вы, как мы с тобою.

1945 г.

* * *

Слесари, танкисты и поэты,
Люди молодого ремесла,
В дымке бесконечного рассвета
Юность поднимает вымпела.
Мы на свете вечно новоселы,
Мир почти не обжит, сколько в нем
Нам еще орудовать веселым
Топором, лопатой и пером.
Будут новостройки и биваки,
Много пар сапог истопчем мы...
Бытия неведомого знаки,
Звезды прорезаются из тьмы.
Настежь мир распахнут ветрам, ливням,
Громом ударяют небеса,
И летят ликующе-призывно
Дымных океанов голоса...
Мы еще на дальние планеты
Корабли Союза поведем,
Слесари, танкисты и поэты,
Мы на желтую луну взойдем.

1945 г.

* * *

И вдруг нахлынет, вновь пойдут слова,
И тайный трепет вновь охватит душу,
И захмелеет разом голова,
И полночь вдохновенья не нарушит...

Быть может, предок дальний по реке
Плыл по утору и слушал скрип уключин,
Увидел дым становья вдалеке,

Холм, облака — весь мир в красотах жгучих.
И вдруг запел, и звук пленил его,
Заныло сердце неизвестной властью...
Вот так и ты — творишь, и ничего
Нет выше для тебя, чем это счастье.

1945 г.

* * *

Что-то в области сердца...
Умру не в постели,
На ногах, как солдат умирает в бою...
Смерть придет и пристрелит меня на панели,
Милицейские тут же меня отпоют.

Не хочу,
Чтобы мне подавали машину
Голубую с малиново-алым крестом.
Уберите от ног эти черные шины,
Я привык путешествовать только пешком.

Я умею ходить,
Поднимите меня, ради бога,
Столько лет я учился ходить по земле,
Столько знал я дорог,
Что последняя эта дорога
Нипочем, я дойду, хоть ее и не видно во мгле.

Не имеете права
Меня потрошить. Как вы смели!
К черту морги, в них пахнет,
Откройте в земле мою дверь,
Постучите лопатой.

Взломайте ломами...
В апреле
Не оттаяла почва,
Но вы потрудитесь теперь.

1945 г.

* * *

Когда качнется дымный берег
И чайки вдруг поднимут крик,
Хочу в неведомое верить
И думать вновь, что мир велик.

Что есть еще в туманной дали
Архипелаги, острова,
Каким названья мы не дали,
И что романтика жива...

Как мало нам бывает надо,
Чтоб вдруг увидеть мир иным,
Лишь ветра влажного прохладу,
На горизонте синий дым.

Тягучий всплеск волны веселой,
Такой же точно, как тогда,
Когда упорный Марко Поло
Повел в Атлантику суда.

Пусть будем мы в лесах, в пустыне
Давать названья городам,
Пусть много дел на свете ныне
Иным, моря повеют нам.

Мы скажем с завистью: ведь было —
Давали землям имена.
В неведомое заносило
Морепроходцев по волнам...

Что ж... Нам потомок дальний, может,
Познавший космос, звездолет,
Как к морю мы, он к лесу тоже
Однажды тихо подойдет.

Все так же будут в хвойной дреме
Шуметь деревья и трава,
И он решит, что мир огромен
И что романтика жива.

1945 г.

* * *

Это так повелось уж от века,
Телескопы подняв к небесам,
Злая жажда томит человека
По неведомым звездным мирам.
И настанет тот час, несомненно,
Годы медленно строем пройдут,
Корабли по планетам вселенной
Поселенцев с Земли разнесут.
На Венере иль Марсе багровом,
Полон разных трудов и забот,
Следопыт, колонист из Тамбова,
Непреренно Тамбов оснует...
Но однажды на дальней планете
Повстречаются парни, тогда
Перед ними в туманном рассвете
Голубая возникнет звезда.

Пыль космических странствий стряхая,
Кто-то скажет в предутренней мгле:
Как там наши друзья поживают,
Кто там пишет стихи на Земле...

1946 г.

* * *

В ночи трепещет тонкая мембрана.
И слышим мы, к наушникам припав,
Как из пучин ночного океана
Поет нам голос, душу спеленав.

Как бы очищен от всего земного,
Тоскует он на страшной вышине,
К Земле радиостанциями прикован,
О дальней межпланетной стороне.

Но нет ответа с Марса и с Урана,
Немы планеты на краю орбит.
В ночи трепещет тонкая мембрана,
А космос молча звездами пылит.

1946 г.

* * *

За слоем Хивсайда, за легкой пылью
Земной атмосферы безмолвье звучит,
Холодная вечность, дремучие крылья
Расправив, в мирах беспредельных парит.

Планеты плывут по орбитам с шуршаньем,
И где-то кометы, хвосты распутив,

Летят по путям громовым мироздания,
Маршруты, как шпаги стальные, скрестив.

Дороги еще не изведаны эти,
Но время идет непреклонной судьбы,
Придет человек — от планеты к планете
Протянутся вдаль верстовые столбы.

1946 г.

* * *

Зеленые звезды встают над ночлегом,
Огромные звезды осенней поры,
В степи журавлями курлычут телеги,
И росы колючи, и травы остры.

Земля наплывает из тьмы лиловатой,
Простор, словно парус, от ветра гудит,
Над степью туманной, над ночью косматой
Упрямая вечность угрюмо стоит.

Миры колобродят, и космос наполнен
Шипеньем и треском далеких планет,
Гремучих громов, искрящихся молний
И сил неизвестных до времени лет.

И мне не до сна. Этой ночью тревожной
За дверью не скрыться, не спрятаться в сон,
И ночь меня манит в простор невозможный,
Где ветер и музыка на шесть сторон.

Кузнечики в травах сегодня взбесились,
И бьют барабаны, и точат клинки,
Никто не сдастся другому на милость,
Идут муравьиные где-то полки.

И травы воюют и лезут сквозь гравий,
Земля, как в испарине, в крупной росе.
И реки бросаются слева направо
И бьют кулаками по рыжей косе.

А отмели лезут и сыплют песками,
Ползут с лозняками с обеих сторон,
И берег в реку опадает кусками,
И сосны бросаются ветру в обгон.

Прислушайся, где-то под толщей породы
Гранитов и гнейсов, подобной броне,
Где, в пар превращая подземные воды,
Клокочет расплавленный мир в глубине.

Тяжелый бурлит оливниновый пояс,
И жидкое золото с ртутью кипят,
Ядро пронзая упрямо земное,
Упругие токи, столкнувшись, бомбят.

Взрывается все, и не может взорваться
Навыорот, нахлест и наугад,
И силы подземные, сисясь прорваться,
Лишь пеплом и плазмой на землю летят.

1946 г.

* * *

Плывет далекая луна
По горизонту парусом,
Идет высокая волна,
Исполненная ярости.

Взлетают брызги до луны,
Гремит вода камнями,

И нету в мире тишины,
А только есть движение.

И только ярость, только гром
И ветер, вплоть до полюса,
И только волны под дубком
Как бешеные колются.

Дубок летит, дубок поет,
Стучит вода по дереву...
Рыбак который час плывет
К невидимому берегу.

Он ветер в парус завожжил,
Он руль вонзает в озеро,
Чтобы брезент, как лебедь, жил,
Чтоб в сторону не бросило.

А в лодке груды серебра
Живого и тяжелого...
И нипочем ему ветра
И волн литые молоты.

Любая буря по плечу
Ему, большому, строгому...
Вот так и я лететь хочу
Своим путем-дорогою...

1946 г.

* * *

Падают закаты и рассветы,
Горизонты с четырех сторон...
Вечер темен, летний полдень светел,
Непреложен бытия закон.

Я знакомлюсь с мудрою природой
По первоисточникам с утра,
Рву цветы, беру в ладони воду,
Проверяю легкими ветра.

Нагибая тонкие лесины,
Захожу благоговейно в лес.
Он мне и запасы древесины,
И собрание всех земных чудес.

Вот черносмородинной картечью
У реки обстреляны кусты,
Но не в землю падают, а в вечность
Ягоды с негромкой высоты.

Чудеса творятся повсеместно,
Непрерывно, всюду. Из семян
Жизнь встает зеленая отвесно,
Тесно ей на площадях полян.

И она вступает храбро в воду,
В глубь зеленоватую, во тьму
Запускает корни и восходит
Вертикально вопреки всему.

Всюду жизнь, зеленые равнины
Камень пробивают в тишине,
Сосны, как земные исполины,
Сучьями сцепились в вышине.

Не переставая удивляться,
Я иду через леса, туда,
Где в дыму без остановок мчатся,
Сотрясая землю, поезда.

Где летят груженные платформы
С тесом и железом, словно гром,

Вслед за паровозом тонкогорлым
С шарфом синеватым над плечом.

Там, перед рекою приседая,
Ввысь взвились пружиною мосты,
И, высоко руки поднимая,
Смотрят семафоры с высоты.

Женщины проходят мне навстречу
По дороге, пыльной и сухой,
Руки их, открытые по плечи,
Опалил густой июльский зной.

Сильные, большие ноги босы,
Груди поднимая высоко,
На плечах покачивая косы
С граблями, идут они легко.

Пахнет медуницей, молочаем,
Травами душистыми от них...
Трактористов черных я встречаю
У машин железных и стальных.

Воду заправляя в радиатор,
Парни пьет из круглого ведра,
Отдуваясь, славные ребята
Говорят степенно: «Вот жара...»

1946 г.

* * *

Опять плывет закат над реками,
Туманы на воду легли,
И петухи прокукарекали,
Должно быть, на краю земли.

Вновь движется по борту русская,
Просторная моя земля,
Бежит луны дорожка узкая,
Цепляясь за крыло руля.

А коростели, как уключины,
Скрипят, скрипят... Весь край родной
Плывет меж облачными кручами
На веслах в тишине ночной.

С мостом пятипролетным с башнями
И с гидростроем в три окна
На речке Чалексе над пашнею,
Вдали звенящей, как струна.

А где-то жаркая гармоника,
Негромко ахнув, понесет
Простую песенку о конниках
До самых северных широт.

И отзовется эхо чистое
На тонкий стук ее подков,
Клинками сабель, дымом выстрелов —
Далеким отблеском боев.

1946 г.

* * *

Снова где-то плачут коростели,
Желтая разрыв-трава шумит,
Умер день, упали тени,
Дождик застоялся у ракит.

Снова я от грусти непонятен,
Смутные надежды растеряв,
Не ищу на свете благодати,
Слушая предсмертный голос трав.

Лето, лето, ты не время года,
Протестую, требую, молю,
Не сдавайся лютым непогодам,
Жизнь и свет, я так тебя люблю.

Знаю, по весне поднимут снова
Новые цветы свои глаза,
Не хочу пришествия иного,
Пусть гремит вновь летняя гроза.

Мир в жестокой смене всех явлений,
Что ж, тебя приветствую таким
За череду несчетных обновлений,
Зная, что и сам я прохожим.

1946 г.

* * *

Не забыл я тебя,
Но грустить не грущу, не тоскую...
Просто ветры трубят,
Просто где-то кукушка кукует.
Дождь прошел стороной,
В небе радуга разом повисла
Над березкой лесной,
Надо мной золотым коромыслом.
Показалось мне просто,
Что все это было, все было,
Дождь, кукушка, березка,
Что ты обо мне не забыла...

Просто девушка встречная
Мне озорно улыбнулась
С золотого крылечка,
И вдруг без причины взгрустнулось...

1946 г.

* * *

Медленно вращается Земля
И летят планеты по орбитам,
Молодой галактики поля
Мглой белесоватою покрыты.

А с Земли в упор на мир глядит
Человек упрямый и смятенный,
Сколько человеку предстоит
Дела в неизведанной вселенной?

Сколько проторить еще дорог.
И как будто в путь собираясь тут же,
Он подошвы пробует сапог
И ремень затягивает туже.

А под ним на полюсах поля,
Снегом освещенная и светом,
Медленно вращается Земля,
Не совсем обжитая планета...

1946 г.

* * *

Невтерпеж ходить по осени
По булыжной мостовой,
Стосковались ноги до смерти
По дороге полевой.

Вся земля в гранит закована
И асфальтом залита,
Сталью рельс перелинована,
Не житье, а маета.

Сруб веснушчатый, бревенчатый
И тесовое крыльцо,
С тишиной навек повенчаный
Мир мой, дедов и отцов.

Там затопят печку рыжую,
Награжденный самовар
Будет петь, сверкать и пыжиться,
Испускающая чайный пар...

1946 г.

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей,
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие,
Все пешком домой дергач, пешком,
По земному шару все, в Россию —
Тонкий, голенастый, хвост торчком...

1946 г.

* * *

Январь трещит морозами *,
Пургой дымят поля,
А май ударит грозами —
И зацветет земля.

Приходит ночь косматая,
Лишь звездами пыля,
Вспорхнет заря крылатая —
И свет во все края.

Пусть бедами, ненастьями
Нас обжигает век,
Но твердо верит в счастье
Упрямый человек.

1946 г.

* * *

Пусть оборот вокруг оси
Земля спокойно совершила,
И прошлого не воскресить
Уж нами никакою силой.
Я все ищу вчерашний день,
Любые принимая меры...
Клубит по-прежнему сирень
По палисадникам и скверам,
Твой след, впечатанный в песок,
Давно исчез с дорожек сада...
Его сегодня пересек
Рассветный ветер без пощады...

* Сергей Орлов. Воспоминания современников. Не-
опубликованное. Лениздат, 1980, с. 306.

А я хочу, чтоб миг любви,
Весь мир вращающая сила,
Вспять шар земной оборотив,
Из прошлого мне возвратила.

1946 г.

* * *

И если я тебя не встречу,
Я выдумаю наугад
И жаркие крутые плечи,
И косы длинные до пят.

Из света легкого, из зыбкой
Мечты, неведомой иным,
Я сам создам твою улыбку
И не отдам тебя другим.

И ты войдешь по всем приметам,
Я верю в рождество твое,
Как дождь в засушливое лето,
В мое навеки бытие.

Несостоявшиеся весны,
Сожженные в огне войны,
Вдруг засверкают в травах росных,
Для нас с тобою созданы.

Нам будет вновь по девятнадцать,
Не тронутых войною лет,
Я все забуду, может статься,
Забуду тьмою бьющий свет.

1946 г.

О ЮНОСТИ

Я из юноши вдруг мужчиною
Не заметил, как стал в бою,
На болоте, где рвались мины,
Юность я потерял свою.
Или, может быть, под бомбежкой
(Самолеты бросались в пике)
Юность рухнула в подорожник,
Не оплаканная никем...
Лег я, взрывом в кювет опрокинут,
Два часа под огнем лежал,
Встал обстрелянным, злым мужчиною,
Кулаки по-солдатски сжал.
И ушел, погрозив оружием,
Землю с плеч отряхнув на ходу,
Позабыв о ней, как ненужной
В черном сорок первом году.
Хорошо б эту юность прежнюю
Где-нибудь на полях отыскать,
Посидеть с ней, хорошей, нежною,
Задушевно потолковать.

1946 г.

* * *

Узкий месяц легок на воспомине,
Золотою лодкой из-за туч
Вдаль плывет торжественно на синем,
А земля как камень бел-горюч.

До вершин занесена снегами,
Холодна, пустынна и кругла,
Голубыми легкими тонами
На равнинах серебрится мгла.

Где сугробов голубые башни
До небес не достают чуть-чуть...
Будто дымный след пурги вчерашней,
Распластался длинный Млечный Путь.

Затеряться б в праздничном сиянье
И потом еще раз, в век иной,
Пролететь над спящим мирозданием
И погаснуть на земле звездой...

1946 г.

* * *

За Вологодой метели с бубенцами,
Летят, поют живые голоса,
И где-то за горами и лесами
Спокойно спит душа моя краса.
Я песню-сказку выведу к воротам
На голубой дорожный поворот,
Она стоит, готовая к полету,
Копытом тонким скалывая лед.
Звезда упала молча у порога,
Под кем-то тихо скрипнуло крыльцо,
И развернулась скатертью дорога,
Пахучим припорошена сенцом...

1946 г.

* * *

Года пройдут, я перечту
Стихи в истрепанной тетради,
Далеких дум и лет мечту
Не просто любопытства ради.

Они напомнят юность вновь...
Мою солдатскую, простую,
Походов пыль, огни костров,
Жизнь боевую, фронтовую.
Пусть тишина тогда вокруг
Стоять неоценимо будет,
Но ветер боя и разлук
Меня тогда как бы разбудит.
Он от стихов пойдет прямой,
И мне захочется сначала
Все повторить в дороге той,
Все, чем судьба меня пытала.

1946 г.

* * *

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, в серебре...
Как медведи, в небе тучи,
Чернобуры на заре.

Ели словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав несет над полем
Рыжим филином луна.

Пенье весел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что — самый лучший,
А милей всех сердцу край!

1946 г.

* * *

Нам уходить от милого порога,
Не возвращаясь много лет домой.
Опять под ноги падает дорога
И остаются версты за спиной.
В лицо подул старинный ветер странствий,
Забудь былое и иди вперед,
Звезда мерцает в голубом пространстве,
Но, может, не мерцает, а зовет...
Гремят мосты, и наступают сроки
Нежданных встреч, негаданных друзей,
Жизнь — это путь, суровый и далекий,
Невыдуманных песен и страстей.
И если есть в конце его береза,
У каждого та, под которой лечь...
Забудь о ней, живи легко и просто
И не тумань печалью радость встреч.
Есть в трепетанье наших рощ зеленых,
В ночных огнях далеких городов,
В березах белых, красноватых кленах
Дух вечной жизни и бессмертных снов.
Учись у сосен гордому упрямству,
Беспрекословно пробивайся ввысь
И сохрани крутое постоянство
В любви к Отчизне и земли держись.
А если смерть негаданная встанет,
Гляди в глаза, не отводи лица
И твердо стой на самой страшной грани
Жестокого, но славного конца.

1946 г.

* * *

Болотный вереск на крови цветет
Не по преданью, а на самом деле.
Я не забуду сорок третий год,
Когда от крови здесь снега кипели.

Ползли полки под пули в рев пурги,
Колющее железо прогрызая,
От черной речки до пустынной Мги,
За пядь земли болотной умирая.

Одной ценой платили мы в бою
За ржавый мох и за сады Тавриды.
Мы не делили Родину свою,
Чтоб не было на нас у ней обиды.

Ты, вереском поросшая земля!
Недешево платила здесь пехота
За глинистые рыжие поля
И торфяные черные болота.

1947 г.

* * *

Вот звезда покати́лась ранняя
Очень близко, рукой подать,
По преданию, я желание
В этот миг могу загадать.

И оно непременно сбудется,
Так уж люди все говорят,
Что-то в этом хорошее чудится,
Видно, звезды не зря пылят.

Что задумаю — жить до старости,
Может, тыщу друзей иметь,
С поездами дружить и с парусом,
А настанет час, умереть.

Так чтоб люди сказали искренно:
Жил, весь век не кривил душой,
Жизнь любил, хоть немало выстрадал,
И хотел бы пожить еще.

1947 г.

* * *

Стрелки замкнули круг на часах,
Звезда разбилась о камень,
И ветер навек потонул в лесах,
Дремучих, как волчья память.

Река поворачивала на юг,
Деляны с пахучим тесом,
Такая была тишина вокруг,
Что в ней заблудились росы.

И травы не стукались на корню
От легкого дуновенья,
И стало холодно вдруг огню,
Застывшему на мгновенье.

Испариной липкою в духоте
Покрылись стволы деревьев,
И замерло будто на мертвой черте
Охотничье наше кочевье.

Рыбы вставали в реке со дна,
Жабры раскрыв до отказа,
И так оглушительна тишина,
Что все замирает сразу.

Но, может, за тысячу верст от нас
Об землю с немыслимой кручи
Ударилась молния в этот час,
А гром еще шел по тучам.

1947 г.

* * *

Тишина, приходит вечер росный,
Облака бесшумные летят,
И о чем-то еле слышно сосны
Непонятым голосом твердят.
Соснам что, они ни злу, ни грусти
Не подвластны в этой тишине,
Споры об идейности в искусстве
Оставляют сосны в стороне.
Ну а где-то в тайных кабинетах
Уже бредят новою войной
И дальнобойные ракеты
Секретно копят под землей.
Сосны все шумят да тянут ветви к тучам,
И на все им в мире наплевать,
Забирают год от года круче,
Знать, им сверху далеко видать.
Говорить, как люди, не умеют,
Лишь шумят они в вечерней мгле,
Есть у них высокая идея —
Просто жить на радость всей земле.

1947 г.

* * *

Утрами травы розовеют в росах,
Дымятся реки, и шумят сады,
И на лесных заброшенных покосах
Отчетливы сохатого следы.

Он рвал осоку влажными губами,
Вался в травах и ушел в леса,
Покачивая медными рогами,
Прислушиваясь к птичьим голосам.

Там, в чаще дикой, в прошлогодней прели
Кровь костяники, черепа грибов,
И колокольни голубые елей
Гудят над ним и без колоколов.

Ведет тропа к заброшенным озерам,
Горит на поймах изумруд-трава,
Там скрыт от мира Китеж — город
На зыбких, будто морок, островах.

Восходит лось к широкому простору,
Глядит, не пьет, тревогой обуян.
Пред ним сосновый возникает город,
Окутанный в сиреневый туман.

Он окружен высоким частоколом,
Светлиц и звонниц острые верхи,
Но вот за сотню верст в далеких селах
Вдруг запевают третьи петухи.

И постепенно Китеж-город тает,
С востока ветер, зыблются дома,
И с клочьями тумана улетают
Неведомой постройки города.

А с морды зверя тихо по шерстинкам
Стекают капли, и уходит он,
Меж сосен выступая по тропинкам,
Как будто между бронзовых колонн.

1947 г.

Мне кажется, что это было так,
Что шли к Земле тяжелые ракеты
Сто лет подряд в багровых вспышках света,
Не возвращаясь никогда назад,
Покинув навсегда свою планету.
Встречала их Земля гремучим адом,
Потоками, низвергнутыми с неба,
Гигантскими деревьями, жарою,
Слепящим светом, бронебойным градом.
Над ней струился пар, клубились гады,
Железный воздух рвал грудные клетки,
И тяжесть разрывала сухожилья,
И от избытка влаги жгло сердца.
Но как они при этом были рады
Земному урагану изобилья —
Здесь жизни может и не быть конца.
Переплывая огненные реки,
Сражаясь с мастодонтами в чашобах,
Перелетая с полюса на полюс,
Они решились жить на ней вовеки,
Они остались здесь, на доброй, злобной,
Скупой и щедрой девственной Земле.
И где-то посредине океана
Огромный остров отвоеван был,
Как центр цивилизации урана.
И город здесь впервые воспарил.
О белое виденье Атлантиды
В бездонной глубине памяти людской,
Висячие сады Семирамиды,
Воображенье с неземной тоской.

* * *

Как трудно отвоевывалось счастье,
Не уступал и не сдавался воздух,
От необычного пришельцы гасли,
Но не было уже пути назад.
И землю в руки брал творец и мастер,
Уран был добыт, поднят город-сад.
Но в ночь одну погибла Атлантида,
Мне кажется, что это было так.

1948 г.

* * *

Поют невидимые птицы,
Деревьям шевельнуться лень,
И знойным маревом струится
Спокойный и пустынный день.

Идет дорога полевая
И счет следам весь день ведет,
По ней неспешно проплывают
Возы тяжелые вперед,

Прямые ленты оставляя,
И полумесяцы подков,
И с правого обычно краю
Следы хозяйских сапогов.

Грузовичок пахнет бензином,
Узор, как птичий след, хитер,
С горы спускается в низину
И вновь бежит на косогор.

Вот трактора — прямой глубокий
След отпечатанный, под ним
Велосипеда змейка сбоку
И лунки пяток ребятни.

Читай дорогу, словно повесть
Об этом крае, что иным
В траве, в густых лесах по поясу
Покажется пустым, глухим.

1947 г.

* * *

Без тебя и день не в день и время
Потеряло грани и черты,
Клятвами клянусь тебе я всеми,
Нынче миром управляешь ты.

Вдруг захочешь, чтобы мне светило
Солнце с неба, подойдешь одна,
Улыбнешься милой, самой милой
Из улыбок, станет даль ясна.

Станет небо синим и огромным,
Все забуду, ревность и печаль,
Будто счастьем грозным, неумным
Одарила,
и ничуть не жаль

Ни ночей бессонных, ни мучений,
Все отдам, и так готов года
Ждать опять подобного мгновенья,
Ревновать, казниться и страдать.

Чтоб потом как бы средь страшной бури,
Погибая и идя ко дну,
Увидать вдали клочок лазури
И на миг поверить в тишину.

1947 г.

* * *

Л. П.

Ты любовь не зови,
Коль ушла она прочь от порога.
От несчастной любви
Есть отличное средство — дорога.

Километрами меряй
Летающее время разлуки.
Позабудешь потерю,
Коль занято сердце и руки.

Поброди по тайге, задубей
От наждачных ветров на заимках,
От железных дождей,
От мороза и льда, от зазимка.

Топором поработай
И горы порви аммоналом,
Все забудь и, припомнив кого-то,
Вернись и влюбляйся сначала.

В синеглазую девушку,
Вовсе не схожую с тою,
Не подумавши (где уж там!),
Стоит любить иль не стоит.

И нагрянет любовь,
От которой — некуда деться,
А коль влюбишься вновь —
Помогло, значит, верное средство!

1947 г.

* * *

Под солнцем дожди громяют,
Клубится сиреневый дым.
И радуга встала крутая
Земли продолженьем цветным.

И в воздухе пух тополиный,
На тысячу верст разнесен,
Вновь знамя багровое вскинул
Над миром размашистый клен...

И как не любить мне равнины,
Где ветер цветами рябит,
Где даже обычный суглинок
Все краски вселенной хранит.

1947 г.

* * *

А под Вологдой сейчас снега, снега...
Намело в деревнях выше крыш.
Что поет тебе косматая пурга?
Ты, наверно, над тетрадами не спишь,
У нее мотив старинный так тягуч,
Что мурашки пробегают по спине,
Вся земля, как будто камень бел-горюч,
Холодна, кругла, пустынна, вся во сне.
Лишь в твоей избе мерцает огонек,

Как упавшая с крутых небес звезда,
Нету вовсе на земле больших дорог
И придуманы большие города.
Есть проселки, деревеньки да леса,
Хруст капустный из-под валенок снежка,
Петухов красноголовых голоса
Да почтовая упряжка ямщика...

1947 г.

В МЕТЕЛЬ

Зима несет в серебряной пыли
Кудели снежной длинные волокна.
Сугробы, словно волны, подошли
И пеною захлестывают окна.

Несет избу в далекие моря,
В седую заметь снеговых видений.
Хвосты жар-птиц опять в печи горят
На звонких на березовых поленьях.

Ковчег сосновый дранкою обшит,
Углом изба врезается в метели.
Качает землю, клонит и кренит,
И небо словно парус в самом деле.

А на столе веселый самовар
От счастья скалит золотые зубы,
И над конфоркою клубится пар
Лихим казачьим светло-русым чубом.

Что нам метель? Бревенчатый ковчег
Сколочен плотно, и пирует сказка
Над самобранкой белою как снег,
Вся в бусах и в кокошнике угластом.

Вся в лентах, в сарафане расписном
Моя Моревна с острова Буяна,
Мы в полночь непробудную плывем
По снежным безудержным океанам.

Пускай свистит разбойник Соловей
На той сосне косматой, за деревней.
За тридевять земель сбежал Кашей —
Нам песни петь, мед-пиво пить
с царевной.

1947 г.

* * *

Февраль приходит как бесчинство вьюги
В холодном царстве матушки-зимы,
И колятся ветра по всей округе,
Темно в полях от снежной кутерьмы.

Бредут домишки, нахлобучив шапки
Почти до плеч, и ухают в снега,
Как будто сена белого охапки
Несет и сыплет по земле пурга.

И все бело, и все повсюду бело,
И только за околицей ветла
Черным-черна, куда-то очумело
Бредет, качаясь, в поле от села.

И только месяц, тучи прорезая
Над головой, как бронзовый топор,
А я стою, дыханием стирая
Со стекол льда затейливый узор.

Я так люблю, не зажигая света,
Стоять, глядеть в окошко и молчать,

Я так тоскую в этот миг о лете,
Как дай вам бог о милом тосковать.

И стоит только мне глаза зажмурить,
Как за окном начнется сенокос,
Запахнет мятой снеговая буря
И жаркой степью вдруг дохнет мороз.

И будет все: кузнечики и травы,
Звон медунец, жужжанье оводов,
И скрип подвод у дальней переправы,
И пенье птиц на тысячу ладов.

И я увижу в ясных волнах света,
В сиянье вод, блестящих как слюда,
Как вы войдете, дверь открывши в лето,
В мои воспоминания тогда.

Вы будете со мною снова рядом,
Я только руку протяну сейчас,
И больше, больше ничего не надо
Мне, право, в светлых помыслах о вас.

1947 г.

* * *

Над городом синие тени,
Закат отгорел и погас,
И света и тени смешенье —
Какой-то особенный час.

Какой-то торжественный сумрак,
Какая-то на сердце грусть,
О светлом, несбывшемся думы,
Знакомые мне наизусть.

1947 г.

ЗИМА

На Крюковом канале паутина
Осеннего прозрачного ледка,
И небо, опрокинувшись на спину,
В канале утопило облака.

Земля бела, в снегу идут трамваи,
Снежинок голубая кутерьма...
И за пять лет впервые наступает
Простая, невоенная зима.

Затопим печь. Забудем о разлуке,
Пускай мороз, пускай метель метет...
Никто теперь, дыханьем грея руки,
В разведку в этот вечер не пошлет.

1945 г.

ОСЕНЬ НА НЕВЕ

Где полдень над Невою полон света
И розовые блики на камнях...
Как бронзовые памятники лету,
Деревья возвышаются в садах.

Лишь осени как бы не признавая,
Один зеленый в мире золотом,
Огонь, как листик, на дуге трамвая
Параболу прочертит под мостом.

Стоит Исаакий. Купол в дымке бледный,
А перед ним упрямый медный Петр,
Уздой железной у кобылы бедной
До крови рвет раскрытый злобный рот.

Он скачет на гранитном пьедестале
Через года в неведомую даль,
И желтый лист, приставший на металле,
Из-под плаща сверкает, как медаль.

И сфинксы удивленными глазами
Глядят на мир, как будто видят сон,
Как будто африканскими песками
До ноября весь город занесен.

1945 г.

* * *

На рассвете холодок от плит
Каменных, пустынные кварталы,
Город, окна занавесив, спит,
Натянув на плечи одеяла.

Спать на подоконниках цветам,
Сторожам в тулупах не проснуться,
На каналах выгнутым мостам
Хочется калачиком свернуться.

Тишина стоит на площадях,
Кажется, что в ней услышать можно,
Как под самым Тихвином в лугах
Кони щиплют травы осторожно.

1947 г.

ВЕСНА В ЛЕНИНГРАДЕ

В плену у каменной ограды
Разбушевался черный сад.
Летит весна над Летним садом
И падает на Ленинград.

Деревья дышат мокрым ветром,
На юг глядятся за дома,
Там отступает метр за метром
Под натиском весны зима.

Ведет весна обстрел долины,
Дымятся на снегу, черны,
Проталины, как бы от минных
Разрывов на полях войны.

На тротуарах мокронагий
Март сапогами наследил,
Пришел полями без дороги
И крикнул людям: выходи!

И видит, что, забыв о стуже,
Как ранний гром по мостовой,
Трамвай уже гремит по лужам
С листком зеленым под дугой.

А с крыш, лопатами сверкая,
Мальчишек рыжих веселей
Повсюду дворники сгоняют
Снег, будто белых голубей!

1947 г.

* * *

Гаснет свет, экран голубоватый,
Как окно, откроется в стене,
Дым и песня. В ватниках солдаты
По степи проходят на войне.

Все, как в жизни, как не на экране,
Никаких величественных поз,
Вот один взглянул на первом плане,
Темноскоул, обветрен и раскос.

А в глазах суровая усталость,
Он идет сутуловат, тяжел,
Тыщу ли ему пройти осталось,
Десять тысяч ли солдат прошел?

Он глядит на нас с экрана просто,
И, видать заметив аппарат,
Улыбнется, небольшого роста,
Снятый сбоку, издали, солдат.

Нам в глаза глядит, имея право, —
Равный равным, и он так велик,
Он гордится нашей ратной славой,
Забывая о своей в тот миг.

1947 г.

* * *

Нынче видел я перед рассветом,
Или это почудилось мне,
Что везли по Литейному лето
Золотое на рыжем коне.

Вдруг по улице ночью осенней
Запах трав пролетел в октябре,
О ромашках напомнил весенних,
О косцах, об июльской жаре.

И, пугая ночные машины,
Рыжий мерин, подняв удила,

Будто конь с пьедесталов старинных,
С сеном выехал из-за угла.

И пахнуло далеким раздольем,
И прохожие в поздней дали
По Литейному, будто по полю,
Среди трав и ромашек пошли.

Им казалось — иди вслед за возом
И увидишь: стоит за Невой
В белоствольных, зеленых березах
Возле моста июль золотой.

1949 г.

СТЕРЕГУЩИИ

Там, где под снегом распаленным стынет,
Диковинная в северной стране
Как парус каменный пустыни,
Мечеть на Петроградской стороне,

Есть памятник в отсеке корабельном,
Через кингстон, открытый на года,
Морозу неподвластна и метели,
Упрямо хлещет черная вода.

Летит поземка, замерзает камень,
Из дальних лет в бессмертье сыплет снег.
Открытое матросскими руками,
Там длится мужество и хлещет в новый век.

1948 г.

* * *

Вновь над Ладогой ветер звонкий,
Память только волною тронь,
И увидишь: идут трехтонки
В голубой метельный огонь.

Вновь шоферы к рулям пристыли,
Лют мороз, далек Ленинград,
И машины в снегу — как в мыле
Кони загнанные храпят.

На пути буксуют колеса,
Промерзает бензопровод,
Бьют зенитки из-за торосов,
Бомбы колют с размаху лед.

Хлещет Ладога из воронок
Черным пламенем злой воды,
И трещат кузова трехтонок,
Уходя от лихой беды.

1947 г.

* * *

Года войны, раздумий и труда *,
Они под беспредельным небосводом
Клубятся, улетаая навсегда,
И не понять, куда уходят годы...

Но солнце снова над землей встает
Торжественно, привычно, величаво,

* «Пограничник», № 5, май 1981 г.

День настает, малиновка поет,
А в нем поля, дороги и дубравы.

Разлуки, встречи, дали, города,
Дымок поутру первой сигареты,
В небытие, в пространство — все года,
Как след летящей в космосе ракеты...

Но почему же в день девятый мая,
Когда земля цветами зацветет,
Я от нее не отведу лица,
Стою, как будто в тот далекий год,
А он все длится, длится без конца...

1948 г.

* * *

Без следа исчезну, только где-то
На земле дождинка упадет,
Перечтут мои стихи поэты
Да забудут имя в тот же год.

Что тогда стихи мне, что поэты,
Что телячий оптимизм юнцов,
Падают закаты и рассветы,
Умирают все в конце концов.

Только остается супесчаник,
Память, словно эхо мертвеца,
И глухие зори мирозданья
Без начала вовсе, без конца.

Свет планет, холодный и туманный,
Счет познаний вечных и смертей,

В мир приходит человек незванный
И неожиданно подойдет к черте,

За которой темнота, вернее,
Нету света, нету темноты,
Не морозит там и там не греет,
В пустоте, где нету пустоты.

1948 г.

* * *

Впервые в жизни на земле большой,
Где сто морей, материков и неба,
Я понял здесь, что мы живем душой,
И стал таким, каким еще я не был.

Не раскрывался предо мной простор,
Я не всходил на облачную гору,
Весь в медных пятнах полыхал забор,
И дым сирени стлался по забору.

Калитка да железное кольцо,
Одно навек из колец обручальных,
И в темноте светящейся лицо
Вдруг полыхнуло вечной далью.

Здесь счастье мне сказала тихо: да,
И скрылось за калиткой, за забором,
Но дух перехватила мне тогда
Та высота, с которой меркнут горы.

1950 г.

* * *

Я словно опустевшая квартира,
Откуда за полночь ушли друзья.
В ней происходит перестройка мира,
Которую откладывать нельзя,
Передвигаю вещи и предметы,
Сор выметаю. Убираю дом.
Переключаю свет. Поменьше света.
И больше трезвой ясности притом.
Слова, слова... Они еще клубятся,
Как дым несвежий старых сигарет.
Даешь сквозняк!
Пусть ветер с Петроградской
Прохолодит и стены и паркет.
Но главное не в этом. Тихо стало.
С Невы влетел и зазвучал во мне
Крик чайки. Отдаленный гром вокзала,
Стук каблучков как строчка в тишине...

1950 г.

* * *

В грохоте ветров нельзя молчать,
Пусть не обессудят нас потомки,
Чтоб саму грозу перекричать,
Научились мы словам негромким.

«Мама», «хлеб», «любимая» и «дом»,
Разве их не будет в жизни вашей,
В той, в которой вновь мы оживем
В громе слов, речей, фанфар и маршей.

В медсанбатах черных на снегу
Это их шептали, умирая,
На глухом, последнем берегу
Говорили: «мама», «хлеб», «друзья», «родная».

1950 г.

* * *

Коль будет трудно, я приду туда,
В ту рощу забинтованных березок,
Где спит в воронках рыжая вода
И черный танк в огне заката розов,
Пять лет прошло, а танк еще горит,
Трещат сухие сучья, как патроны,
И столб багровый северной зари
Стоит над башней черной, опаленной,
Я в ней горел, искал рукою люк,
Срывал одежду на снегу горячем,
Здесь мой солдат, мой закадычный друг
Стрелял из пулемета наудачу.
Да, я приду, и я опять смогу,
Коль с ног собьет, подняться в рост в ненастье,
Последнюю гранату — по врагу,
И словно в жизни пробиваться к счастью.

1950 г.

* * *

Муку надо же такую,
Все о чем-то вспоминаю,
Все ищу и все тоскую,
А о чем сказать — не знаю.

Все не те слова и строки,
Не о том печаль и радость,

Ближних дней и дней далеких
Память мучу — нету ладу.

Вроде было очень много
Встреч, прощаний, расставаний,
А молю за-ради бога
Об одном хотя свиданье.

С той невыдуманной, ясной,
Душу захватившей круто,
С жаркой, истинно прекрасной,
Озарившей ночь минутой.

Чтоб потом кому-то, где-то
Люди в трудный час сказали:
«Повтори-ка снова это», —
И минуту помолчали.

1951 г.

* * *

Я забыл, какого были цвета *
У прощанья руки и глаза,
Только помню, как померкло лето
И пришла по радио гроза.

Черный диск затмил для нас светило,
Вместо солнца в небе — черный диск...
Глаз с него Россия не сводила,
И гремел динамик болью вниз...

1952 г.

* Сергей Орлов. Воспоминания современников. Не-
опубликованное. Лениздат, 1980, с. 308.

* * *

Жить бы мне на земле
Четыреста лет,
Я б и то, когда смерть привязалась,
Ей сказал бы так:
Что ты ходишь вслед,
Дай пожить еще самую малость.

Наглядеться на солнышко я не успел,
Надышаться родимым небом.
У меня еще столько неоконченных дел,
И с земли ты меня не требуй!

Что тебе пятьдесят или сорок годков,
Дай отсрочку, а там, пожалуй,
Сам приду к тебе и буду таков;
Самой лютой кончиной жалуй.

1952 г.

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Чем-то дальним и незнакомым,
Неизвестным тебя возьмет
Вечер поздний и в ночь из дома
Вдоль по улице поведет.
На Неве вода масляниста,
Спят прогулочные суда,
И качается в небе чистом
На всю землю одна звезда.
Дебаркадер белый, тесовый
Вдруг покажется на Неве
Просто тихой избой под Псковом
На лугу в голубой траве.
Белой ночи прозрачный полог,

Розоватая тень зари
Открывают тебе, как дорог
Давней грусти забытый ритм.
Как волна от того, другого,
Синя берега вдруг одна
Вот придет и охватит снова,
И уйдет она, как волна,
Одинокая и большая,
Непонятно, чем рождена,
В эту полночь тебя лишая
До трамваев из парков сна.
Вот как будто бы все как надо:
Ты работаешь и живешь,
И друзья тебе вроде рады,
И от них ты не отстаешь,
И доволен собой порою,
И причин для печали нет,
Но почувствуешь вдруг: покоя
В тридцать лет и в помине нет.
И не знаешь, каким девичьим
Легким именем звался он,
Как короткая песня птичья,
Ветром времени унесен...
Никогда не брала усталость
От дорог, от забот, от дел,
Но не сделано, что мечталось,
И не создано, что хотел.
И по набережным открытым
Вот идешь, не зная куда...
Остывают гранита плиты,
У мостов бормочет вода.
Занимается день грядущий,
И полнеба в огне уже,
Вот уже он в комнаты впущен
На шестом твоём этаже.
Дует ветер с залива, с Лахты,
Крепнут волны, гремят мосты,

Вымпела поднимают яхты
В нетерпении широты
Неизвестных, грозных просторов
И дорог по путям зари,
И включает тебя сам город
В свой упругий и вечный ритм.

1952 г.

* * *

Мой край красотой не славится,
Болота в нем да леса,
В нем тучи земли касаются,
Какая уж тут красота.

Лишь клюкву одну по осени
Приносит щедро земля,
Да льнов неземною просинью
Побалуют летом поля.

Ему не сравниться с южными
Ни славой, ни красотой,
А если б и да, так нужно ли,
Когда он мне дорог такой:

Что в сердце живет и памяти,
Всегда помогая мне,
Ведь это он из пламени
Спасал меня на войне.

Когда по броне ударило
Немецкой марки литье,
Зашелку люка нашарил я,
Чтоб снова видеть его.

С наганом по снегу рыжему
Дополз из последних сил,
В ночах госпитальных выжил я
И крепче его полюбил.

1952 г.

* * *

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не выдавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв
На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.
Веселый, счастливый, довольный.
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не ценя,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца, звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
— Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу, —
Не поздно пока еще, друг.

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал,

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила, как чудо,
Когда умолкала гроза,
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

1952 г.

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

В утра сумерке синем
Ворота открыты,
Молча лестницу вынес,
Поставил на плиты.

В старом ватнике что-то
Озноб бьет сегодня...

Но не сразу он
Древко сосновое поднял.

Постоял, будто не было
Силы решиться.
По глазам покрасневшим
Провел рукавицей.

Сжаты пальцы сухие
На дрёвке в кулак...
Как тяжёл этот легкий,
Этот пламенный флаг.

1953 г.

* * *

Я не люблю того, кто мир винит
Во всех своих печалях и невзгодах,
Кто, чуть чего, кричит: «А все они!..»
Неважно, кто они — кто люди, годы.
Мне кажется, я сам тому виной,
Что счастье просто затерялось где-то,
Что в мире меньше радостью одной,
Чем быть могло, и я виновен в этом.
В долгу перед друзьями и землей,
Мне в жизни никогда не расплатиться
За небеса, за тот последний бой,
За вдохновенье, за любовь, за жизнь, что
длится.

1953 г.

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Мы становились на колени
Пред ним под Мгой в рассветный час
И видели — товарищ Ленин
Глядел со знамени на нас.

На лес поломанный, как в бурю,
На деревеньки вдалеке
Глядел, чуть-чуть глаза прищуря,
Без кепки, в черном пиджаке.

Гвардейской клятвы нет вернее,
Взрвели танки за бугром.
Наш полк от Мги пронес до Шпрее
Тяжелый гусеничный гром.

Он знамя нес среди сражений
Там, где коробилась броня,
И я горжусь навек, что Ленин
В атаки лично вел меня.

1953 г.

* * *

Со дна траншей мы наблюдали звезды *
И до конца поверили земле —
Седой, колючей, неуютной, грозной,
В цветах невзрачных, в пепле и золе.

Для нас была единственной защитой
Насыпанная бруствером она.
И звезды лучезарные зенита
Нам были ярче видимы со дна.

1955 г.

* Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное. Лениздат, 1980, с. 310.

НА ОСТРИЕ СТРЕЛЫ БАГРЯНОЙ

Поэма

*У меня есть на земле одна любовь,
которая мне не изменит до смерти,
— это жизнь.*

1

Июльской ночи тополиный пух...
Бал выпускной. Играют вальс
баяны,
И все мальчишки подпевают вслух,
И все летит в кругу, от счастья
пьяном.
И ты — в цветастом, ярком,
голубом —
Летишь, не помню с кем,
не уставая,
Назвав меня с улыбкою «столбом»
За то, что только стены подпираю...
И я решил все же под конец.
Последний вальс...
Заря промыла стекла.
И вот кружится увалень, юнец,
Ему всю душу захлестнуло
Теплым,
Большим,
Туманным...
Разворот, другой —
От ветра раздувается рубаха...
И вдруг на ножку легкую
Ногой
В тяжелой бутсе,
Как кузнец,
С размаха...
Но что нога —
Не сердце! Зажила,

Как говорят, до свадьбы...
Кстати — свадьба,
Не знаю я, веселой ли была
Спустя шесть лет?..
А ведь могла позвать бы!
Но мы не будем забегать вперед:
Всею свое...
Но лишь в войну, однако,
Я получил открытку от нее,
На Волховском,
В лесу,
Перед атакой...

Теперь понятно вам, что выпускной
Тот вечер был как раз перед
войной.

Что было до него?
Я расскажу
О наших встречах,
Озере и лодке
Потом...
Я за сюжетом не слежу,
Пишу себе
Не длинно,
Не коротко...
И пропускаю год,
За ним второй:
Не все писать, что в памяти
хранимо...

Ведь я в поэме
Автор
И герой...
Писал о лете —
Напишу про зиму.

Зима. Метелица. И мгла
 До синевы белым-бела.
 И все предметы в мраке этом,
 Как инородные тела,
 Бесформенны и неясны,
 Как будто это бродят сны,
 Сны не досмотренные нами,
 А в мире нету тишины...

Год сорок третий.
 Стынь.
 Февраль.
 Стань и взглядишь
 Сурово в даль:
 Мир неустроен,
 День в работе.
 Гремит о камни мира
 Сталь...

Сталь громобойная укрыта
 Брезентом, и под ноги ей
 Упоры на платформах вбиты
 Кувалдами — и никаких гвоздей!
 Негнущийся,
 Тяжелый,
 Хлесткий,
 С размаху ветер в лица бьет.
 Мы зажигаем переноски.
 Прогреты дизеля, и вот —
 На месте, медленный и жесткий,
 Машин угрюмых поворот.

Сторожко опускает траки
 На землю станции лесной

Бог бронированной атаки,
С горбатой башней, нумерной.

Пошла на мускулы, на плечи,
На грудь
Высокой марки сталь.
Быть может, гибели навстречу,
А может, славе...
В этот вечер
Уйдет он в снеговую даль.
Даль...
Так бессмертные уходят
В нее.
Усевшись на крыло,
Цигаркою дымя в походе,
Веселые — всему назло!

Застегнут шлем...
Как Марса житель,
В очках,
Сажуся точно в срок
На сталь крыла,
Чтобы водитель
Во тьме в кювет попасть не мог.

Ремнем затянут полушубок,
Овчина дымная жарка.
Сомкнул обветренные губы,
Курнос,
Веснушчат
И сугубо
Безус еще.

Вот все пока
Мои нехитрые приметы —
Героя, так сказать, портрет
(Тут критик скажет, что портрета

Не смог нарисовать поэт).
Ну что же, мне другое надо —
Успеть!
А тут метель, снега,
Дорогу разнесли снаряды,
И верст пятнадцать
До врага...

Гудят, как колоколы, ели,
Да глухо там,
Где бой, где фронт,
В снегу и огненной купели
Ворочается горизонт.

Огнем сиреневым и синим
Горят сугробы, свист и вой,
И на лету дыханье стынет,
И пылью падает седой.

Металл ладони обжигает.
В Сахаре бел-горюч песок
Вот так, наверное, порхает
И падает наискосок.
И в белой темноте кромешной,
Сжигающей,
Путем войны,
Как бы в песках, совсем нездешних,
Проходят танки, как слоны.
Стволы, что хоботы, подняты,
Вот затрубят сейчас во тьму,
А спины широки, покаты,
Качаются в седом дыму.

И я, плечом прижавшись к башне —
Шершавой, скошенной —
Плотней,

О чем-то давнем, о вчерашнем,
Задумался...
Теперь теплей.

Неясная идет истома.
Окутывает. Веки сдвинь...
Встал городок — родной,
знакомый, —

Далекий полдень тих и синь.
Все белое, как слюдяное.
Открыто озеро.
Сады
Выходят к берегу толпою
Зеленою.
А у воды
Качнулась лодка,

Гнутся весла,
Людмила на корме одна,
Вся в синем, розовом,
Вся в броском,
Цветастом платье.
Влюблена,
Лукава.
Поднимает брови,
В глаза взгляни — и не понять...
Как о любви без предисловий
С такою разговор начать.
Букет сирени на коленях
Дымит,
Качается,
Дрожит...
Читать начать стихотворенье,
Стихами вдруг заморозить?!
Позвать к себе на помощь Блока?..
И вдруг сказал, забыв себя:
«Как мы уехали далеко...»

И тихо: «Я люблю тебя...»
Да, я любил тебя такую,
Мне непонятную тогда,
Страдая,
Мучаясь,
Ликуя...

Идут упрямые года.
Встают закаты и рассветы,
И ветры надо мной поют,
Я помню яркий полдень лета,
Далекого, в родном краю.
Дни жизнь листает, как страницы,
Роман, прочитанный давно.
В подвалах памяти хранится
Воспоминания вино.
Оно все крепче год от года.
Налью стакан —
И сразу пьян...
Я все простил тебе, все отдал,
А ты ушла, как океан.

И берег сух.
И нет возврата
Волны, ушедшей далеко.
А парусу души крылатой
Без моря в мире нелёгко.

Забыть не в силах я —
Иную,
В цветастом платье, полюбить,
Пусть в сущности, как ты, такую,
Чуть-чуть похуже, может быть.
А может, лучше...
Невозможно! —
Я однолюб.
Лишь об одной

Твержу так долго и тревожно.
Летят закаты надо мной.
А ты поешь,
Ты ходишь где-то.
И если вдруг стихи прочтешь —
«Смешны мне некие поэты», —
Ты скажешь
И легко уйдешь.
И позабудешь по причине
Забот,
Насущных дел своих.
Мне тоже непонятны ныне
Заботы и дела твои...
Есть у меня своя тревога,
Я не грущу.
В конце концов —
Мне снова дальняя дорога,
И ветер режущий в лицо...

В лицо уперся ветер шальный
И вдруг свернулся и упал.
И словно вкопанная встала
Дорога...
Полчаса привал.
Прочь отлетел дымок виденья,
Опять вокруг поют ветра,
Снегов холодное кипенье
В воронке дымного костра.
Ведро газойля, пара щепок —
И подходи, черпай тепло
Горстями, выругайся крепко,
Ломая льдинки, как стекло,
С небритых щек...
Топчись, как мамонт,
В костюме ватном у костра.
«Ну, братцы, видно, в пекле самом
Такая же стоит жара».

Костер лисою пляшет рыжей,
Ладони гладит рудный жар,
Скорей к огню пробраться ближе,

От полущубка валит пар.
Бери тепло, клади в карманы,
За пазуху, горстями — впрок.
А там пускай в снегах-буранах
Путь, словно Млечный, бел, далек.
Плывут сиреневые кольца,
Едучий дым смолой пропах,
И золотые колокольцы
Позванивают на углях.
И я забыл свои виденья,
Но кто-то — глоткою здоров —
Вдруг закричал из отдаленья:
«Эй, где тут лейтенант Петров!»
И почтальон идет

с высоко,
Призывно поднятой рукой:
Пришла открытка издавека
По верной почте полевой...

И снова низкий горизонт,
Взгляни на карту: лес, болото,
Коричнево-зеленый фронт.
Здесь не легка войскам работа.
В снегу по пояс, напрямик,
В грязи болот идет пехота,
Сухой один лишь воротник.
Но вот и тот промок от пота.
От спин клубится черный пар.
Черны лесов глухих останки,
Здесь начинается удар,
Идут, идут болотом танки.
Там, где и пеший не пройдет,
Настилы выстлали саперы,

И продвигаются вперед
Машины, грохоча мотором.
Идут, как белые слоны,
Как боги черные войны.

Так в штабе фронта решено:
С рассвета армия восьмая,
Когда еще совсем темно,
Под Карбуселью начинается.
Поставил генерал стрелу
Меж двух озер, через поляну,
И танки тронулись во мглу
На острие стрелы багряной.
Пришел в движение флажок —
На карте в штабе передвинут.

Флажок, такой же точно, жег
Снега над головной машиной.
И двинулся за тем вослед,
В буране скорость набирая...

По зову серии ракет
Летит машина головная.

Все закружилось в дымной
карусели,
Земля в прицеле снизу вверх плыла.
Машина шла, а по бокам летели
Седой метели черные крыла.
В нее столбы огня и дыма вбиты —
Ни зги не видно. Мир суров и
мглист.

И встал тогда над башнею открыто
Широкоплечий, в кожанке, танкист.
Не из бравады, а из-за бурана:
Водителю ни зги не видно в нем...
Так с мостика на море капитаны

Командуют в туманах кораблем.
(Лицо в поэме новое, однако,
Скажу два слова вам, кто он такой:
Мой лучший друг, и подчиненный
мой,

О прошлом нынче некогда.)

Атака!

Весь лес в дыму. Мы принимаем
бой!

Тяжелый люк, как будто щит
старинный,

Червлёный, круглый, прикрывал
плечо.

Андрей стоял, как витязь из былины,

И смерть ему и вьюга нипочем.

Такого рисовать бы на плакатах.

И навсегда запомнили враги —

В броне по пояс, в зареве косматом,

Представшего танкиста из пурги.

Весь в кожаном, из черного железа,

Как памятник. Его несла гроза,

И чуточку монгольского разреза

Смотрели ясно серые глаза.

Метнулись комендоры от орудий,

Безмолвно что-то офицер кричал,

Когда пошел на них крутою грудью,

Как горы, белокаменный металл...

И только каску отстегнув, отпетый,

В мундире войск СС головорез

Встал перед танком молча

с пистолетом

Гремящему свинцу наперерез.

Привыкший красоваться на

расстрелах,

Палач из Бухенвальдских лагерей,

Он бил в Андрея тщательно, с
прицелом,
Но кобуры не расстегнул Андрей.

И глазом расстояние прикинув,
Как будто бы на мушку изловив,
Он в микрофон к механику в
машину
Спокойно бросил краткое: «Дави!»

В машине мрак, жара, угар...
Фуфайки скинуты. Скорее!
Удар, еще один удар.
Но танк идет на батарею.
Сергею кажется, что он
Сам сапогами сталь кромсает.
Он скинул к черту шлемофон,
Кричит, а что — и сам не знает.
Нет в мире больше ничего...
Лишь бой. Лишь гром!

И пять танкистов,
Друзья заветные его,
Единым спаянные риском.
Одной ногой, другой ногой —
Рвет рычаги механик резко,
Один рычаг, рычаг другой —
И что-то рушится отвесно.
Встает машина на дыбы
И опускается с размаху...
Тут все глядят в лицо судьбы
Одной, все пятеро без страха.
Есть только ненависть, азарт
И радость, жутко от которой.
Удар таранный, вновь удар —
И на пределе рев моторный...
Снегов лохматые костры,

Огня багровые буруны,
Утюжат танки вдоль горы
Орудья поступью чугунной.
Траншеи,
Блиндажи,
Рогатки,
Шинелей тонкое сукно.
А где-то в штабе:
«Все в порядке!» —
Негромко произнесено.
Да, все в порядке, словно свечи,
Стволы сосновые горят.
По отступающим картечью
Уже орудия палят.
Задача ближняя — прорыва
Передних линий — решена.
Все дальше,
Реже,
Дальше взрывов
Багряно-черная стена.
Пускай, освечиваясь глухо,
Еще полны пальбой леса.
Но где-то повара у кухонь
Уж надевают термоса.
Во флягах водка — злой напиток —
По норме выдана сполна.
Пока живыми всех убитых
Еще считает старшина.
Катушки волокут связисты,
И с пистолетами в руке
Из башен потные танкисты
Выскакивают налегке...

Темней, чернее небо надо Мгою,
Как колесо, кругла метель в лесу.
И кроны сосен, осыпая хвою,
Парят над ним, как тучи на весу.

И рыжие, нерусские солдаты
Лежат, окоченев в седой пыли,
На голубых и серебристых латах
Закованной морозами земли.
Земля моя!..
Зима в ледовых латах,
Щиты озер из стали голубой.
По вечерам багровые закаты
Знаменами взлетают над тобой.
Коптилки дымной огонек неяркий,
Слова ложатся тяжкие в блокнот.
И вдруг в дыму махорочной сигарки
Давным-давно забытое мелькнет...
Опять в окно метелица стучится,
И кроет мглою черный небосвод...
Ты для меня та самая синица,
Что где-то тихо за пургой живет.
Гремят в лесах немеренные версты
Далекого разлучного пути.
Из-за пурги синица с Белозерска
Через метель, быть может,

прилетит?..

Невесты ждут своих любимых долго.
Информбюро о них им говорит,
Когда плывут над Камою и Волгой
Багровые полотнища зари.
И, верные предписанным обычаям,
Солдаты, сталью кованой звеня,
Встают по всей стране

на перекличку,

По всем уставам, на исходе дня,
Их вызывает старшина суровый,
Звучат солдат живые голоса,
И радики штабные с верным словом
К ним обращаются в моря, в леса.
Летит метель, в морях бушуют

штормы,

Горит тайга, и где-то подо Мгой
Звучит в буране долго и упорно
Сигнал на перекличке фронтовой:
«Береза! Где ты, отвечай, Береза!» —
Радист в ладонях держит микрофон,
Как будто бы дыханьем на морозе
В ладонях птицу согревает он.
А мы застряли поперек отхода,
Отрезав отступление на Мгу,
Как клин железный, вбитые

с восхода

И до заката в самый тыл врагу.
Косили черным глазом пулеметы,
Покатой башни колокол сиял,
Закрыты люки — как забрала —

плотно,

Гремучий настороженный металл.
Пусть тяжкой миной перебиты

траки,

Враги вокруг и связи нет с утра,
Но мы отбили насмерть все атаки,
И мы стоим. Живем врагам

на страх.

И вот под вечер, больше не надеясь
Наладить связь по рации своей,
Радист сиденье уступил Андрею,
Потом я сам присел, склоняясь

к ней.

Глазок контрольной лампочки

мерцает,

Как семафор, в эфир открыв пути,
Как одуванчик, я рычаг вращаю,
Эфир трещит, взрывается, свистит.
И вот, черт знает, на какой-то грани
Шкалы, не зафиксированной вдруг,
Сквозь шорохи бескрайних

расстояний

Запел высокий тенор, славя юг.
Слова летят в огне пурги косматой,
Далекий тенор славит тишину,
Тут кто-то крепким словом
припечатал,
Как проститутку, радиоволну.
И сразу из тумана голос дальний,
Глухой, железный, как с земли иной,
Твердя устало с болью и печалью:
«Береза, я не слышу. Что с тобой?
Береза, я не слышу вас. Береза!..» —
В наушниках зарокотал родной.
И сквозь завесу дыма и мороза
Мы подали ответный голос свой...

1946—1947 гг.

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Наши комсомольские билеты
С датами годов сороковых
Сохраняют памятные меты,
Жаркий отсвет пламени на них.

Синие поблекшие чернила,
Подписи комсоров полковых
Воскрешают незабвенных милых,
Русых, синеглазых, молодых, —

Тех дружков, с которыми делила
Молодость запевки и табак,
Тех дружков, с которыми ходила
Молодость на смерть в огне атак.

На снегу нетающем, примятом —
Русые, огнистые чубы,

Юные безмолвные солдаты,
Со звездой фанерные столбы.

А по горизонту свет холодный.
Свет ракет, текущих в вышине,
И вперед зовущий строй походный
Танков на дороге в стороне.

Наши комсомольские билеты...
Тронь страницы, и года встают.
Все в сукно армейское одеты,
И опять товарищи поют —

Молодые верные ребята,
Так и не узнавшие дружки,
Как ромашкой, донником и мятой
Веют руки милой у щеки.

Наши комсомольские билеты...
В них не меркнут жаркие костры,
В них плывут и падают рассветы
У железной Пулковской горы.

В них гремит по европейским странам
На Берлин катящийся волной
Гром победы, радостный, желанный,
В сорок пятом — памятной весной.

В них цветы и слезы той минуты,
Что пришла, как свет, наверняка
И огнем московского салюта
Землю озарила на века.

1958 г.

КНИГИ С. С. ОРЛОВА

(Библиографическая справка)

- «Третья скорость». Лениздат, 1946.
- «Поход продолжается». «Молодая гвардия», 1948.
- «Радуга в степи». Лениздат, 1952.
- «Городок». «Советский писатель», 1953.
- «Стихотворения». «Советский писатель», 1954.
- «Голос первой любви». «Советский писатель», 1958.
- «Стихотворения». Гослитиздат, 1959.
- «Память сердца». Воениздат, 1960.
- «Колесо». «Советская Россия», 1964.
- «Дни». «Советский писатель», 1966.
- «Избранная лирика». «Молодая гвардия», 1967.
- «Стихотворения». «Художественная литература», 1968.
- «Страница». «Советский писатель», 1969.
- «Свидетели живые». «Советская Россия», 1971.
- «Избранное». В 2-х кн. «Художественная литература», 1971.
- «Мой лейтенант». Лениздат, 1972.
- «Белое озеро». «Современник», 1975 (Б-ка поэзии «Россия»).
- «Верность». «Советская Россия», 1976 (Гос. премия РСФСР).
- «Костры». «Советский писатель», 1978.
- «Стихотворения». «Советская Россия», 1978.
- Собрание сочинений. В 3-х т. «Художественная литература», 1979—1980.
- «Заря и дым». «Молодая гвардия», 1980.
- «Воспоминание современников» (Составитель В. С. Орлова). Лениздат, 1980.
- «В легкой песне берез». «Современник», 1982.
- «Лирика». «Советская Россия», 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

А был он лишь солдат... <i>Юрий ВОРОНОВ</i>	5
«Говорят, что мы — поколение...»	12

ДАЛИ ГОЛУБЫЕ

Вечер *	14
Звезда *	15
Синь *	15
«Хорошо на забытой дороге...» *	16
«Планета на время от Солнца отходит...» *	17
«Небо выше...» *	17
В огороде	18
«Всплошную голубым узором...»	19
«Умер снег...» *	20
Тыква	21
Мечта *	21
Ночь	22
Копье	23
«По привычке дома не сидится...»	23
Утро *	24
Водолаз	25
На реке	25
«Я сегодня вышел в ночь...»	26
Десятикласснику *	27

ПОРОХОМ ПРОПАХНУВШИЕ СТРОКИ

«Здесь земля дрожала не от страха...»	30
Октябрь 1941 года *	31
Дождь	31
Граната	32
«Может, мне и осталось всего...»	32
Осень	33

«Зачем руда сто тысяч лет...»	34
«Хочу, чтобы меня вело...»	34
«Издали рвякуют гулкие пушки...»	35
«Далеко течет река Шексна...»	35
Песня о лошади	36
Февраль 1942 года *	37
Карты	38
«Дым-дымок папироски...» *	39
Матери *	40
«...На картах не гадай, к чему...»	41
«Вот ты стоишь, в разбитых сапогах...» *	41
«Не с немцами воюем, а с болотом...»	42
Весна *	42
В землянке	43
Костер	43
«В даль веков едва заметной тенью...»	44
Перед наступлением	45
«Спят солдаты крепким сном...»	46
«Встает стена косматого огня...» *	47
Кукушка	47
Перед атакой	48
«Тонкая российская береза...»	49
В подбитом танке	50
Карбусель	50
«Жил на свете, не скучал...»	51
«Здесь все озера да болота...»	52
«Вокруг весна беспутная летела...»	52
«Когда на фронте наступает ночь...»	53
«Друзей немало хоронили...»	54
Песенка	54
«Погадай мне в этот вечер...»	55
«Идут солдаты, от сапог...»	56
Пыль	57
«Кузнечики стучат в траве...»	57
Танк	58
Отдых	59
«Песня — что-то вроде костра...»	60

«Мир вспоминали в танке тесном...»	60
Смотровая щель	61
«А было под Волховом синним...»	61
«Поутру, по огненному знаку...»	62
«Жить от атаки до атаки...»	62
Мга	63
На марше	64
После марша	64
«Его зарыли в шар земной...»	65
Дружба	65
«Любители костра и солнца...»	66
«Я своих фотографий тебе не дарил...»	67
Формуляр	68
Прощанье с землянкой	68
Земля новгородская	69
Танкист	71
«Металл сгорел, и пусто в черной башне...»	72
«Он ничьих не называл имен...»	72
Открытка	73
«Мы ушли на заре, словно тени косые...»	73
«Пусть о нас вспомнить будут редко...»	74
Стихи о конце войны *	75
Деревня Гора	76
«Когда под пулями лежишь...»	77
«Нелегко умирать довелось им...» *	78
«Ни травинки на ней, ни куста...» *	79
«Когда над самой головой...» *	80
Ночные бомбардировщики	80
«Сумрак сел. Соловьи в кустарниках...»	82
«В полях уже осыпались траншеи...»	82
«А мы такую книгу прочитали...»	83
«Руками, огрубевшими от стали...»	83
Ночью	84
Атака на рассвете	85
У сгоревшего танка	85
«Дымок — дыхание костра...»	86
После боя	87

«Да, не поле перейти...»	87
«У огня своя архитектура...»	88
На привале	88
«Учила жизнь сама меня...»	89
Поезд	89
«Пароход покричал, покричал...»	90
Перед порогом	91
«Над моим родимым краем...»	91
Победа	92
Мать	93
«Не таким, не в войну, с полпути...»	93
«Будут жарко натоплены печи...»	93
«В детстве в речке меня ловили...»	94
«Что говорить, я не грущу...»	94
«Вот человек — он искалечен...»	95
«Живу, как получается...»	95
«Вдохнула наконец легко...»	96
«Долг, атака, честь мундиров наших...»	96
«На старый рубеж подо Мгою...»	97
Юность, война и слава *	97

ПОЗЫВНЫЕ ЗЕМЛИ

«Огонь на поленьях сосновых в печи...»	100
«На фоне нарисованного сада...»	101
«Человека осаждают сны...»	102
«В пустых землянках, в спутанных траншеях...»	102
«Цветет за окнами картофель...»	103
«Ну что судьба, ты на нее не сетуй...»	104
Белозерье	107
«Где ядра раскаленных помидоров...»	108
Журавли	109
Қолодезный журавль	110
«Облако за месяц зацепилось...»	110
«По небу падает тихо звезда...»	111
«По одной нам земле ходить...»	111
На дороге	112

«Мир безначальный, бесконечный...»	113
Закат	113
«Из комнаты светлой и тишины...»	115
«А ночь идет, она уж на исходе...»	115
«Мне кажется, что я живу...»	116
«Слесари, танкисты и поэты...»	117
«И вдруг нахлынет, вновь пойдут слова...»	117
«Что-то в области сердца...»	118
«Когда качнется дымный берег...»	119
«Это так повелось уж от века...»	120
«В ночи трепещет тонкая мембрана...»	121
«За слоем Хивсайда, за легкой пылью...»	121
«Зеленые звезды встают над ночлегом...»	122
«Плывет далекая луна...»	123
«Падают закаты и рассветы...»	124
«Опять плывет закат над реками...»	126
«Снова где-то плачут коростелли...»	127
«Не забыл я тебя...»	128
«Медленно вращается земля...»	129
«Невтерпеж ходить по осени...»	129
Дергач	130
«Январь трещит морозами...» *	131
«Пусть оборот вокруг осн...»	131
«И если я тебя не встречу...»	132
О юности	133
«Узкий месяц легок на вспомине...»	133
«За Вологдой метели с бубенцами...»	134
«Года пройдут, я перечту...»	134
«Светлый север, лес дремучий...»	135
«Нам уходить от милого порога...»	136
«Болотный вереск на крови цветет...»	136
«Вот звезда покатилась ранняя...»	137
«Стрелки замкнули круг на часах...»	138
«Тишина, приходит вечер росный...»	139
«Утрами травы розовеют в росах...»	139
«Мне кажется, что это было так...»	141
«Как трудно отвоевывалось счастье...»	142

«Поют невидимые птицы...»	142
«Без тебя и день не в день и время...»	143
«Ты любовь не зови...»	144
«Под солнцем дожди громяхают...»	145
«А под Вологдой сейчас снега, снега...»	145
В метель	146
«Февраль приходит как бесчинство вьюги...»	147
«Над городом синие тени...»	148
Зима	149
Осень на Неве *	149
«На рассвете холодок от плит...»	150
Весна в Ленинграде	150
«Гаснет свет, экран голубоватый...»	151
«Нынче видел я перед рассветом...»	152
Стерегущий	153
«Вновь над Ладогой ветер звонкий...» *	154
«Года войны, раздумий и труда...» *	154
«Без следа исчезну, только где-то...»	155
«Впервые в жизни на земле большой...»	156
«Я словно опустевшая квартира...»	157
«В грохоте ветров нельзя молчать...»	157
«Коль будет трудно, я приду туда...»	158
«Муку надо же такую...»	158
«Я забыл, какого были цвета...» *	159
«Жить бы мне на земле...»	160
Белой ночью	160
«Мой край красотой не славится...»	162
«Приснилось мне жаркое лето...»	163
Перед праздником	164
«Я не люблю того, кто мир винит...»	165
Гвардейское знамя	166
«Со дна траншей мы наблюдали звезды...» *	166
На острие стрелы багряной (поэма) *	167
Комсомольский билет	182

Примечание. Стихи, отмеченные звездочками, публикуются в книге впервые.

Орлов С. С.

0-66 Порохом пропахнувшие строки: Книга стихов /Вступ. ст. Ю. Воронова; Сост. В. Орлова. — М.: Мол. гвардия, 1986. — 190 с., ил. — (В молодые годы).

80 к. 50 000 экз.

В книгу Сергея Орлова, поэта-фронтовика, комсорга роты тяжелых танков, лауреата Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького, включены стихи из ранних книг: «Третья скорость», «Поход продолжается», а также не публиковавшиеся ранее стихи из фронтовых тетрадей. Кроме того, в сборник включены стихи, написанные С. Орловым в школьные годы, которые были напечатаны в вологодской газете «Белозерский колхозник». Это стихи о родной природе и городе, где теперь в музее имени Сергея Орлова хранится его комсомольский билет, пробитый осколком снаряда. Все стихи, включенные в сборник, написаны автором с 1937 по 1952 год.

0 4702010200—083
078(02)—86 234—86

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 4558

Сергей Сергеевич Орлов
ПОРОХОМ ПРОПАХНУВШИЕ СТРОКИ

Рецензент **А. Ливанов**

Редактор **М. Беляев**

Художник **В. Медведев**

Портрет-гравюра **Ю. Космынина**

Художественный редактор **Р. Тагирова**

Технический редактор **Е. Брауде**

Корректор **В. Авдеева**

Сдано в набор 19.12.85. Подписано в печать 26.02.86. А08072.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 10,15. Уч.-изд. л. 7,2. Тираж 50 000 экз. Цена 80 коп. Зак. 2318.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцьевская, 21.